

САНИЯ
ШАВАЛИЕВА

**ЖЕЛТЫЙ
ЦЕННИК**

роман

наступают времена перемен
и главное — ценить чудо жизни
что бы ни случилось

Городская проза

Сания Шавалиева

Желтый ценник

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шавалиева С.

Желтый ценник / С. Шавалиева — «Издательство АСТ»,
2021 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-146962-7

Главная героиня этого щедрого на детали романа – молодая и прямодушная женщина Ася – выбивается из сил, пытаясь обустроить семейный быт. Она хлопотлива и добра, у нее все получается. Но наступают времена перемен: умирает мать, сгорает завод, Ася и её муж Руслан остаются без работы, а усилиями скандальной соседки – и без квартиры. Чтобы прокормить детей, героиня оказывается на провинциальном рынке и окунается в мир предпринимательства, который ей чужд. Автобус с челночниками грабят бандиты, приключения и злоключения сыплются, как из рога изобилия, а любовь к семье, ради которой Ася идет на жертвы... не грозят ли ей какие-то иные, более коварные опасности? Цепкая, острая, сверх-реалистичная, очень правдивая проза о «лихих девяностых» проникает прямо в сердце, заставляя нас жалеть всех. Удивляться человеческой стойкости, досадовать на глупость и смеяться над нелепыми ситуациями. И главное – ценить чудо жизни. Что бы ни случилось.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146962-7

© Шавалиева С., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	32
Часть 2	35
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сания Шавалиева

Желтый ценник

*Посвящается моей семье и всем предпринимателям, занятым
челночным бизнесом.*

* * *

© Текст. Сания Шавалиева, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть 1

Глава 1 Молитва тополя

– Очень вкусный суп. У тебя всегда вкусный суп. И на девятый день, и на сороковой. Видно, что мяса не пожалела. Твоей матери на том свете сытно и тепло будет, раз мяса не пожалела.

– Спасибо, спасибо, – кивала Ася.

Она убрала тарелки, поставила перед Сагадат апой чайные чашки в глубоких блюдах.

– Души там часами стоят в очереди, – старушка макнула хлеб в сметану и продолжила: – Толкаются сиротинушки в толпе новопреставленных. А ведь неизвестно, какая погода на небесах. Стоят и в снег, и в стужу, ветрами небесными замороженные, голодными, холодными предстают перед Всевышним.

Ася наполнила чашку чаем, придвинула гостье молочник.

– А ты уверена, что я хочу чай с молоком? – Сагадат апа потянулась за конфетой, но потом передумала, положила руку рядом с блюдцем.

Ася не услышала вопрос, она просто добавила в чашку молока и присела рядом.

– Молока не надо, у меня от него понос, – Сагадат апа специально сказала грубо, чтобы вывести Асю из какого-то туманного оцепенения. Ася не отреагировала.

В доме Загребиных было тепло, аромат пирогов заполнил всю комнату, проник даже в темные углы. Только-только стало смеркаться, сквозь запотевшие окна просочилась розовая полоса заката. Она отразилась в пустом графине, протянулась неровной полосой через мятые салфетки.

За длинным общим столом сидят две женщины в совершенно разных позах: одна – монументальная скульптура, волосы забраны под калфак, на плечах зеленый камзол в золотых оберегах, вторая женщина – молодая, голова ушла в плечи, руки судорожно охватили чашку. Если бы не горе, которое накрыло серой пеленой, ее можно было бы назвать красивой, спокойной и ясной.

– Думаешь, что поступила правильно?

– Да! – вскинулась Ася.

– Это ведь ты обрекла мать на муки.

Ася уронила чашку и разрыдалась. На скатерти растеклось бурое пятно пролитого чая.

Сагадат апа знала, что так будет. Она выпила чай, перевернула пустую чашку в блюдце, отодвинула. Женщина давно привыкла, что молодое поколение не верит старикам, поэтому особо молодежи и не сострадала. Хотя у Аси был другой случай.

– Не ной! Все можно решить, если твоя мать простит и подскажет.

– Это правда? – Ася подняла голову.

– Ладно, – чуть помедлив, сказала Сагадат апа, – посоветую, если обещаешь меня слушаться и хорошо вести.

– Сагадат апа, – вздохнула Ася с утомленно-досадливым видом человека, обреченного выслушивать переизбыток наставлений, – это совершенно излишне.

– Как знать, как знать. – Сагадат апа привстала, потянулась к тарелке с беляшом. Ася услужливо придвинула. Под хлебной пластиной все еще теплилась картошка с гусем и говядиной. Самое время, чтобы подцепить вилкой подложку беляша, которая уже пропиталась мясным бульоном и жиром.

Сагадат апа скрутила ломтик пшеничного теста в валик и с удовольствием отправила в рот. Жевать стала не сразу. Сначала крепко сомкнула губы, затем затихла, словно не пробовала, а слушала. Жевала она тихо, и, казалось, ничто не может заставить ее ускориться.

Вообще-то Ася была рада медлительности старухи. Долгое ожидание оттягивало узнавание подсказки, неизвестно еще, что старуха выдаст, какую волну знаний обрушит на голову Аси. Может, эта подсказка окажется таким выкрутасом, что мало не покажется, и Ася вновь прослезилась.

Сагадат апа запила беляш двумя большими глотками молока.

– Я знаю, ты уже вполне разумная кыз, – начала она и внимательно взглянула на Асю, словно намекая, что есть еще время одуматься.

– Я так больше не могу, – заявила она в ответ.

Смерть матери принесла радость облегчения. Нет, Ася не желала ей смерти, но и такой жизни тоже не желала. И точно знала, что во всех страданиях матери были виноваты обе.

– Через три дня сходи в баню, заплети волосы в косу спать ляг ровно в девять, запомни все, что во сне тебе скажет мать.

Ася ждала продолжения, но Сагадат апа прочитала молитву и тяжело встала из-за стола.

– Учти. Из-за подсказки тебе я укоротила свою жизнь на три года. Три... – уточнила тремя растопыренными пальцами. – За это похоронишь меня по мусульманскому обычаю.

– Но...

– Не болтай попусту, – отмахнулась старушка от Аси, как от назойливого комара. – Зови Руслана, пусть отвезет меня к Верке. Может, успею попрощаться. Хотя Верка не помрет, пока меня не дождется.

Сагадат апа говорила про свою подругу, с которой дружила вот уже восемьдесят два года. Они спорили, ругались, но неизменно мирились и на все приглашения отзывались вместе. Поминки по Асиной матери были первыми, которые Сагадат апа провела в одиночестве.

– Спасибо, – Ася обняла старушку за плечи.

– Со мной поедешь, – заявила та и улыбнулась.

Асе эта затея совсем не понравилась. Понятно, что Сагадат апа хочет попрощаться с подругой, но Ася здесь при чем?

Она отрезала остывший кусок беляша, положила в пакет. В другой пакет положила конфеты, урюк, пончики. Она не очень верила в смерть бабы Веры. Всякое бывает – приболела, давление скакнуло. Не раз убеждалась, что старики такие паникеры, поднимают хай-вай на пустом месте, ты несешься на всех парах через весь город, а там – на другом конце – просто обида и одиночество. Ася завернула пачку чая в красный платок, завязала пакет двумя мелкими узлами.

– Чего ты там? – заглянул в дверь Руслан.

– Иду, иду.

– Я ее никогда не видела мертвой, – хлопнула дверцей машины Сагадат апа.

Ася удивилась. Что за странное выражение. Естественно, никогда не видела, да и не могла.

– У нее обязательно должно быть умиротворенное лицо, как будто спит или ест варенье. А я смогу приобрести опыт смерти и словно увидеть свою смерть при жизни. Я буду так же лежать, как Верка, а кругом будет полно народу.

Никогда улицы города не были такими черными: фонари не горели, огоньки в окнах были слабыми и тусклыми, мокрый асфальт поглощал свет фар. Руслан знал дорогу, как свое имя, но все равно двигался осторожно, в случае опасности мог легко притормозить или свернуть на обочину.

– Вымерли все, что ли? – вглядывался он в темноту и протирал стекло тряпкой.

– А то! – улыбалась Сагадат апа.

От ее улыбки шел какой-то ледяной поток жуткости.

Руслан увидел ее в зеркале, остановил машину, долго протирал фары, курил. Из открытой двери потянуло холодом. Или не от двери. Холодом тянуло от Сагадат апы.

Ася не боялась таких моментов. С матерью последнее время это происходило довольно часто. От инсульта, лишённая дара речи, она тонко и гневно что-то кричала-мычала, даже пыталась сжать сморщенные синюшные кулачки, похожие на проросшую картофелину, порой ее лицо сводило судорогой, оно менялось, гримасничало, тело дергалось и иногда сваливалось с кровати. Хоть мать и высохла до размеров мумии, одной поднимать было тяжело.

Это очень выматывало, больше психологически, чем физически. После очередного приступа Ася осторожно подкладывала руку под невесомую голову матери, приподнимала ее и подносила к губам воду. Мать отплевывалась и прожигала взглядом или обрушивала на Асю ледяной поток ненависти. В ее уже бесполезном теле жили только глаза. Они сверкали, требовали ответа – Ася не соглашалась...

Руслан постоянно тормозил, Ася то и дело чуть не тюкалась лбом в лобовое стекло.

– Аккуратнее, – уже теряла терпение и оглядывалась на заднее сиденье к Сагадат апе. Все та же улыбка жуткости. – Тише.

– Пристегнись! – буркнул Руслан. – Сидишь болтаешься.

– Мы не одни.

– Затк... Да чтоб за... Где свет? – с трудом сдерживался Руслан.

Больше всего, конечно, поражала тишина. Ни потока машин, ни голосов людей, ни шума шагов, ни шелеста деревьев, ни звука.

Где-то на полпути красным глазом загорелся светофор.

Показалось, что простояли на нем четверть часа – как под неустанным оком обвинителя.

– Да чтоб вас! – ругнулся Руслан, барабанил пальцами по рулю. Он давно бы уже проскочил на красный, но боялся гаишников. Штрафы бесили его еще больше.

Руслан был хорошим мужем: внимательным, деловитым. Все считали, что Асе очень повезло. Познакомились в институте на перемене. Пришел из армии, восстановился на третьем курсе. Худой, растерянный, хотя в глазах светилась доверчивость и ненасытное любопытство.

Ася – пухлая, легкая, коса ниже пояса, кудрявая непослушная челка. Повиновалась одному рефлексу: понравиться, очаровать. Для Руслана стараться не стала – не почувствовала доверия. У нее это произошло неосознанно. Оценила пустым взглядом, который Руслан уловил, запомнил...

– Поехали, – потребовала Сагадат апа.

Между Русланом и Асей натянулась невидимая нить. Они семья – единое целое. Чтобы понимать друг друга, им не нужны слова, лишние взгляды. Сглаживая беспокойство Руслана, Ася коснулась его руки.

Отстояв минуту, Руслан все-таки тронулся с места. И тут красный изменился на желтый.

– Здесь направо, в арку налево, вперед. Тормози, – строила маршрут Сагадат апа.

Домофон не ответил. Прошла вечность, пока дождались случайного соседа, выходявшего из подъезда.

– Какой этаж? – спросила Ася.

– Четвертый, десятая квартира.

Сагадат апа поднималась медленно, словно боялась увидеть в квартире то, ради чего туда стремилась. Тем не менее добралась до площадки четвертого этажа и уставилась на Асю, которая прислушивалась к двери.

– Что там?

– Не открывает.

– Еще звони, – приказала старуха.

Ася позвонила раз пятнадцать.

Сагадат апа прошептала молитву, из кармана зеленого камзола вытащила ключ.
– Открывай.

При входе в квартиру сразу ударил стойкий запах старых ковров, кислой капусты, мнотонной пыли и выгоревших обоев. Это был привычный запах грязного, изношенного помещения, и сегодня он порадовал Асю, потому что был без примеси тлена человеческого тела.

Они прошли по коридору, побывали в зале, прежде чем вошли в спальню и наконец увидели Верку на ложе, воздвигнутом посреди комнаты. Подойти можно было только к изножью, с одной стороны стояла кровать, с другой – диван. Оттуда, где они сейчас стояли, лицо Верки невозможно было разглядеть, только угадывалось маленькое тело под белой простыней с торчащими вверх носками. На груди лежал обычный кухонный нож. Ася потянула Сагадат апу за рукав.

– Схожу за Русланом.

– Стул дай.

Ася придвинула шаткий стул.

– Зачем нож? – не удержалась от вопроса.

– Чтоб кишки не гнили. – Сагадат апа тяжело опустилась на стул, сложила руки на коленях. – Верка неправильно лежит. Надо головой на восток.

Комната была такой маленькой, что по-другому выставить ложе не получилось бы, если только положить его поперек кровати и дивана. Но как? Ася заглянула под ложе и обнаружила, что это была белая дверь, снятая с петель и установленная на двух табуретах. Пока Ася присматривалась, случайно дотронулась до Веркиной стопы. Она показалась мягкой и теплой.

– Она живая! – пугая саму себя, произнесла Ася.

– Ясное дело, а ты думала – померла?

Хотя сказано это было насмешливым тоном, Сагадат апа была глубоко взволнована и напугана. Она ухватила Веркину стопу и стала тихонько трясти и пощипывать.

– Давай вставай.

Верка оставалась безмолвной.

У Аси закружилась голова. Увидеть бабу Веру живой оказалось сложнее, чем мертвой. Разумеется, Ася оценила момент – сама любит пошутить, слегка приврать, но она слишком уж реалистична, чтобы позволить себе такую выдумку.

«Ну, старухи! Каков репертуар! Завидую вам, живете выше рассудка».

– Давай, давай! – Сагадат апа сдернула простыню. Нож упал на диван, Сагадат апа не обратила на него внимания, а лишь пристально вгляделась в Веркино лицо. Ждала, что сейчас разомкнутся ее веки, грудь приподнимется при вдохе.

Верка так и сделала: улыбнулась, открыла глаза и вновь закрыла.

Ее сморщенное лицо стало безмятежным, старческие руки, скрещенные на груди, обмякли.

Сагадат апа протянула руку слегка похлопала Верку по плечу, по голове, по рукам.

– Ну все, все, хватит, – стала уговаривать она подругу, – хватит шутить. Вставай!

Время шло и уходило, а вместе с ним уходила надежда. Разумеется, Сагадат апа уже понимала бесполезность своих слов. В какой-то момент она уткнулась головой в Веркину грудь и заплакала.

Асю пробрала дрожь от мысли, что Верка действительно их ждала. Дождалась и умерла.

– Я все-таки схожу за Русланом. – Ася чувствовала, что ей надо выйти из квартиры, успокоиться, глотнуть воздуха холодной ночи. Сагадат апа никак не отреагировала.

Ася села в машину, осторожно прикрыла дверь.

– Чего там? – спросил Руслан, хотя уже все понял по тому, как дрожит Ася, и по белым сцепленным кулачкам. – Испугалась? – сказал доброжелательно – не такой это был момент, чтобы покрикивать.

Время остановилось, но все равно его не хватало. Ей хотелось еще и еще отодвинуть тот момент, когда надо будет решать вопросы похорон. Она понимала, что все равно этим придется заниматься им – больше некому. У бабы Веры один сын, двадцать лет назад эмигрировал в Америку, помогал матери деньгами, и все. На похороны точно не приедет.

Во всем доме темнота и тишина. Свет горел только в далеком окне четвертого этажа. Окно было прикрыто красными шторами. Асе показалось, что их назначение – специально создавать страх и печаль, неизбежные атрибуты небесного покоя. Ася сделала важное открытие. Стоило на два шага отойти от машины, чуть приподнять голову – и сквозь ветви тополя можно увидеть клочок неба в звездах, одинокое окно, похожее на квадратное красное солнце. По правде говоря, картина не очень интересная и понятная, но Ася была рада и этому.

Сагадат апа сидела на стуле в любимой позе монументальной скульптуры. Волосы, распущенные пенным потоком по спине, сливались с белой длинной рубахой. Калфак и зеленый камзол с золотыми оберегами аккуратно сложены на кровати. К чему все это? Может, какой-то неведомый ритуал? Трудно сказать, что она задумала. Вместо того чтобы оплакивать подругу, проделала свой маневр и теперь, невинно и не таясь, предстала в исподнем белье перед Асей и Русланом. Когда они зашли в комнату, она не шелохнулась. На лице жесткая улыбка, улыбка-гримаса, которая появляется на губах у человека, когда его вдруг опалило горем и он стремительно пытается с ним справиться. Возможно, она читает молитву.

Уже несколько раз Руслан пытался привлечь внимание Сагадат апы и заходил то справа, то слева, задавал вопросы. Было очень странно за этим наблюдать. Асе казалось, что ответ будет такой силы, что сразу обрушится потолок. В комнате повисло, разлилось какое-то особое напряжение, словно все пространство заполняло бесконечное множество притаившихся теней, которые пока бездействуют, но стоит Сагадат апе произнести слово, как они проявятся и превратятся во что-то катастрофически мощное и непоправимое. И до этого всего одно мгновение.

Руслан присел на край дивана.

За окном поднялся ветер, по мрачному стеклу стали скользить ветки и листья тополя. Они отливали тонкой матовой белизной, словно светились любопытством. Это вызывало у Аси легкое удивление. Тополь шелестел, как будто требуя объяснения. Он монотонно царапал ветками стекло в такт легчайшему для слуха звуку, который скрывал вопрос, недоумение. Скоро слабый шорох превратился в ритмичные удары. Чудилось, что ветки барабанили, вторя воинственным шагам. «Бум! Бум! Бум!»

Сагадат апа очнулась, подняла голову. Казалось, готова была отпрянуть назад, но вместо этого пристально поглядела на Руслана, и ее выцветшие глаза просияли, будто он ей сказал что-то хорошее.

– Поверните ее.

Руслан не услышал, а скорее прочитал по губам, так тихо она это сказала.

С трудом справились. Повернули так, чтобы баба Вера оказалась головой на восток. От разности высот кровати и дивана ложе перекосило, ноги усопшей оказались чуть выше головы. Пришлось подкладывать под дверь со стороны головы дополнительное возвышение. В ход пошли книги, тряпки, подушки.

Ася уже не чувствовала спины. Сама дверь была тяжелой, а с телом она становилась и вовсе неподъемной. Вот уже больше суток Ася на ногах, от усталости каменело все, кроме соленых слез, катившихся по щекам.

Сагадат апа медленно поднялась, потрогала край ложа, словно опробовала его устойчивость.

– Может, снять другую дверь, на одной не уместимся, – складки у рта стали резкими и пронзительными. Ни тени улыбки, чтобы заподозрить шутку.

Ася вдруг почувствовала раздражение, которое росло, не останавливаясь.

Сагадат апа присела на ложе, оно угрожающе накренилось, вслед шевельнулось тело покойной. Она удержала Верку, медленно поднялась.

– Надо вторую дверь, – губы Сагадат апы тронула вымученная улыбка.

– Хватит уже, – выдохнул Руслан, глядя на старуху. – Нашла время шутить.

– Надо вторую дверь. – Она смотрела, как маленький ребенок, который знает всего три слова и повторяет их опять и опять в надежде, что кто-нибудь его наконец поймет. Голос у нее был тихий и спокойный. Губы и щеки постепенно белели и деревенели, и она говорила все медленней, проглатывая последние звуки. – Надо втору...

Руслан горестно вздохнул не в силах что-либо понять.

Дверь решили снять в зале. Пока думали, дергали, Сагадат апа покорно сидела на краю дивана. Она уже напоминала скорбный призрак, которого задерживают на земле эти нерасторопные люди. Видно, что она делает огромные усилия, которые превышают возможности тела, вдруг утратившего силу жизни.

Потом действие стало разворачиваться очень быстро. Быстро уложили дверь, простынь, старуху.

– О Аллах, Сагадат апа. Что ж ты творишь? С ума сошла, что ли?

Ася кинулась подкладывать полотенце под голову старухи, Руслан суетился, пытался заговорить, но подбородок дрожал, не давал разомкнуть губы.

Сагадат апа тихо сжала Асину руку, с трудом выдавила из груди:

– Три дня...

– Чего? Что? – бормотала Ася, зубы у нее стучали.

– ...Я не успела... – сухая ладонь старухи разжалась.

Первый раз в жизни Руслан с Асей, дрожа, мостятся друг к дружке, бок о бок, плечом к плечу – в первый раз они прочувствовали беспомощность этого мира перед другим, неведомым.

Руслан приложил свою загрубелую ладонь ко лбу старухи – никаких признаков жизни, лоб был таким же, как и все остальное тело: холодным и чужим.

Ветер за окном усилился, ветки и листья тополя бились в стекло. Они словно шептали молитву по усопшим.

Руслан позвонил в скорую, оттуда его звонок перенаправили в милицию.

Через четверть часа появился молодой, на вид совсем мальчишка, участковый, увидев одновременно два тела, удивился, еще больше удивился рассказу Загребиных. Он честно пытался вникнуть в эту историю и по несколько раз задавал одинаковые вопросы, но ответы то ли не понимал, то ли забывал.

Руслан постоянно бегал курить, Ася холодным полотенцем пыталась успокоить головную боль, но оба с трудом сдерживали эмоции.

– Что за ночь, – жаловался участковый, заполняя бумаги, – шестой вызов за ночь... так кем, вы говорите, вам приходится усопшие?

– Знакомые, – по пятому кругу говорили то Руслан, то Ася.

– А как вы оказались здесь, кто вас пригласил... документы есть... не ваши, а усопших.

Как участковый путался в вопросах, так же Руслан и Ася путались в ответах. Только после долгих раздумий вспоминались фамилии и адреса старушек.

– Кем, говорите, вам приходится усопшие? Как вы здесь оказались?

– Сагадат апа попросила привезти, – пыталась рассказать Ася.

– Кто из них? – кивал на старух участковый.

В какой-то момент Ася не удержалась и уже открыла рот, чтобы отругать его как следует, но как великое облегчение появились медики. Они быстро обследовали тела, быстро вызвали машину, быстро удалились. Их моментально сменил человек, словно он стоял за дверями и ждал сигнала от медиков. Участковый, увидев его, ожил, быстро заполнил документы.

Человек назвался Василием, предложил услуги по сопровождению тел, захоронению. Его голос был мягким, успокаивающим и в эти тяжелые минуты таким необходимым и желанным. Ася с Русланом соглашались, кивали, удивлялись ценам и вновь соглашались и кивали. Они даже были рады появлению Василия, этого волшебника, который выдернет их из бесконечной ночи ужаса и смерти.

Когда тела унесли, до рассвета оставался примерно час.

– Здесь поспим или домой поедем? – спросил Руслан.

– Что за вопрос? – захотелось заорать Асе. – Домой, только домой.

– В восемь надо быть в морге, встать в очередь.

– Все равно домой, хоть час, хоть полчаса поспать дома.

Руслан не сопротивлялся.

Ася растянулась на кровати, но от усталости уснуть не получалось. Время шло, а она все лежала, не смыкая глаз.

Вспомнилось, как не реже чем раз в месяц в квартире родителей собирались гости, мать пекла огромный пирог человек на десять. Ася любила этот «день пирога»: воспоминания, разговоры, протяжные песни, от которых становилось тепло и спокойно. Любила даже тогда, когда гости вдруг схватывались на какой-нибудь теме и делились на два противоборствующих лагеря. Прислушивалась к разумным доводам, перекрывающим друг друга голосам, взрывам смеха. В этом нагромождении эмоций Ася различала то ясный отцовский голос, то звучный Сагадат апы, то нежный и естественный голос матери. Этот голос она не спутает ни с каким другим. Мать часто рассказывала что-то доброе и веселое. Ася попыталась вспомнить... и провалилась в глубокий сон.

Где-то через час Руслан ткнул Асю в бок.

– Вставай! Проспали.

Возникла долгая пауза. Ася не могла сообразить, где находится, что-то смутное шевелилось в голове, моталось в стороны, поднималось, опускалось и никак не собиралось в кучу правильных мыслей.

Чай, кофе, холодный душ! С чего начать? Хотелось нырнуть под одеяло и спрятаться.

– Вставай! – повторил Руслан. – Надо все сделать сегодня.

Ася порадовалась, что у нее есть Руслан. Она была уверена, что его терпение сейчас лопнет и он начнет злиться и ругаться, но он спокойно натянул штаны, полез в шкаф за носками.

– Проклятье! – чертыхался он, пытаясь справиться с вывернутой наизнанку футболкой. – Давай вставай, я чайник поставил.

Ася закрыла глаза. Как сквозь вату слышала обрывки фраз:

– Василий звонил... Серега... поможет... с утра мотнусь в мечеть... с работы отпросился... А про какие три дня говорила Сагадат апа?

Ася вздрогнула. Она знала, что он когда-нибудь спросит, и все равно вопрос прозвучал неожиданно.

Ася улыбнулась, обняла Руслана за плечи. Он нетерпеливо похлопал ее по руке, намекая, что надо потирапливаться.

– Не хочешь, не говори, – стараясь казаться равнодушным, сказал Руслан, но Ася уловила нотки обиды.

Да, она не хочет говорить, и это правда.

Это было пять лет назад. Ася пришла к матери в больницу и, пока она спала, села ждать на стуле у окна. В палате, кроме матери, было еще трое больных. Самой тяжелой была старушка у входа – острые колени, локти, пустой взгляд в потолок, открытый беззубый рот, а в нем по языку ползала муха. Старушка дышала то резкими короткими вдохами, то храпящей затяжкой. Иногда замирала, и казалось, что умерла. Ася испуганно вскакивала, подходила, прислушивалась. Она уже готова была бежать к медсестре, и тут в груди старушки что-то булькало,

клокотало, словно проходила через фильтр еще одна дарованная минута, и вновь грудь ожи-
вала, поднималась, опускалась.

– Пообещай мне, что ты закроешь мне рот, чтобы я так не мучилась. – Слова матери
застали Асю врасплох.

– Ты о чем?

– Я о себе. – Мать подошла к старушке, прогнала муху из ее рта. Старушка никак не
отреагировала, а мать продолжила: – Просто подушку положи мне на лицо и подожди, когда
наступит конец.

– Ты что такое говоришь?! – Ася испуганно стала оглядываться – как бы кто не услышал
диких слов матери.

Но все спали, всем было не до них.

– Обещай мне.

– Мам, – застонала Ася.

– Не сделаешь, прокляну!

Ася забыла про этот разговор, пока однажды с матерью не случилась та же беда. Мать
лежала и взглядом требовала помощи, а Ася не могла. Она не могла выполнить ее просьбу, она
не могла этого сделать, она не могла об этом даже подумать...

– Так и не скажешь? – все-таки не удержался Руслан.

– Сагадат апа сказала, что через три дня приснится мать и выдаст мне тайну, – сказала
Ася делано игриво. Вроде не обманула, но и всей правды не сказала. И пусть будет так. Ася
стала быстро собираться.

Глава 2

Дым пожара

Ася встала, распахнула шторы, балконную дверь, пустила в комнату утренний воздух. Было пять часов утра. Неужели прошел всего один день с тех пор, как она справляла поминки по матери, всего один день с тех пор, как они поехали по ночному городу к бабе Вере и там же оставили Сагадат апу. Один день, но как все изменилось – исчез, растаял прежний мир и вместо него возник новый, холодный и бесцветный.

Пока занимались похоронами, узнали главную городскую новость – горел завод двигателей.

Через открытую дверь пошел запах гари и дыма. Дым показался мутным чудищем, которое, улыбаясь и гримасничая, стало заполнять комнату. Из него слышались голоса беседующих людей, они что-то говорили, спрашивали, отвечали, снова и снова сплетая магическую ткань слов. Дым обживал комнату обрывками фраз «пожар... пожарные... уволили... погибли...», наполнял шумом автомобилей. Конечно же, это были отголоски улицы, но сегодня Асино восприятие переваливало за грань действительности.

Вчера она целый день толкалась среди людей. Бесконечно отвечала на вопросы. Отвечала коротко: «никто», «знакомые», «вот документы: паспорта, свидетельства о смерти». Часто ошибалась с отчествами, датами рождения, на укоры служащих злилась, нервно и коротко предлагала взять заботы на себя. Руслан успокаивал и одновременно переживал сам, потому что денег не хватало. Приходилось звонить знакомым, мотаться по друзьям за помощью.

Во всей этой суматохе часто встречались знакомые люди, с которыми давно не виделись. Чуть ли не все жители вышли на улицу, чтобы поговорить, пережить, переосмыслить городское событие. Атмосфера в городе была непривычно напряженная, ведь завод тем или иным образом касался каждого горожанина.

Руслан с Асей, занятые похоронами, держались в стороне от уличной суеты, они словно запретили себе даже думать об этом. Поскольку Ася работала на заводе инженером-технологом, а Руслан выполнял заказы по изготовлению оборудования для завода, этот пожар являлся для них катастрофой.

Балконная дверь с трудом закрылась, Ася задернула шторы, словно отгородилась от проблемного мира. Руслан стоял в дверях, пытаясь полотенцем высушить волосы. Ему недавно исполнилось тридцать шесть, он был на год младше Аси, выше ее на полголовы и в полтора раза шире в плечах. У него были черные волосы с намечающейся лысиной и серые глаза, такие же, как у отца. Ася внешне тоже пошла в отца: пухлые губы, бесцветные брови, а глаза – голубые. И может быть, именно эти голубые глаза и свели Руслана с ума, он стал за ней ухаживать, все быстро закрутилось и понеслось.

Ссора на кухне завязалась исподволь: сперва ничто не предвещало скандала – напротив, общая тема пожара могла вызвать перемирие между соседями. Но когда соседка зашла на кухню, она без приветствия сразу обрушила поток брани на администрацию завода и заодно на правительство. Руслан поддержал тему, и это распалило соседку еще больше. Она осыпала колкостями всех людей мира и в запале отпустила шуточку в адрес Аси. Ася оскорбилась и ушла в комнату, неся чашку, как вымпел спокойствия.

Тогда увесистая гроздь упреков понеслась ей вслед. Соседка вдогонку гоготала гусыней, как крыльями, гремела крышками кастрюль. Ася включила телевизор – с экрана паялилась полуголая девица, а Ася не могла освободить указательный палец, застрявший в ручке чашки.

– Твоя жена маймыл... бродячая маймылиха... – прорывались сквозь телевизионную музыку оскорбления соседки.

Ася прикрыла дверь. Воздух, которым приходилось дышать, был едким, переполненным угарным газом и запахом сажи. Он был конденсатом тревоги и страха перед будущим. От нападок соседки Ася убегала в комнату пытаясь спастись за тонкой дверью. Она напрягала все силы, чтобы не сорваться и не нагрубить в ответ. «Чуть потерпи», – уговаривала она себя и трепетала от ожидания избавления. Но избавление затягивалось, обещанная трехкомнатная квартира витала где-то в облаках и никак не хотела материализовываться.

Ася сидела на переднем сиденье и приходила в себя. В окне машины она видела бледное, светящееся небо, опоясанное длинным, стелющимся параллельно земле черным шарфом, который зарождался над корпусом завода и увлакивался ветром через весь город за реку к горизонту. Завод двигателей по правую руку, сзади него – автосборочный. Вдоль всей дороги по обочинам – разные машины: пожарные, легковые, грузовики. В небе медленно скользит вертолет. На капоте пожарной машины двое пожарных едят кашу из котелка. Белый клуб дыма, прозрачный и исчезающий, летит по направлению к ним. Долететь не успевает, переходит в другое измерение и достигает обедающих только последним своим следом, свивается в еле видный астральный круг.

Ася не понимает, почему вокруг такое бездействие. Они должны тушить, бегать, переживать. Они все должны что-то делать! А они наблюдают за умирающим заводом, как посетители, стоящие перед картиной в музее.

Руслан останавливается перед пожарной машиной, долго разговаривает с пожарными.

– Бесполезно, – вернувшись, докладывает он Асе. – Горят подвалы.

Корпус завода стоит посреди поля. Его построили чуть больше двадцати лет назад. Ася для себя делила его на три уровня. Первый находился под землей. Рабочие называли его подземкой или подвалом. На втором располагались цеха по изготовлению и сборке двигателей, и еще оставался третий уровень – под крышей. Он жил своей особой жизнью: переполненный воздуховодами, металлическими перекрытиями, подвесными конвейерами. Завод напоминал грандиозный металлический муравейник, который с тихим шуршанием и лязгом перетаскивал заготовки, комплекты, полуккомплекты по неведомым адресам. Строили завод всей страной, с большим усердием, самоотверженностью и бережностью, как в старину строили храмы.

Сейчас все это тихо умирало, и смотреть на это было невыносимо. Обширные подвалы могли прогорать неделями, на глубине девяти метров находились тоннели со стружкой, маслом и смазочной охлаждающей жидкостью. Открытого огня не было видно, завод тлел, как огромная раскаленная сковородка с маслом. С большим выбросом дыма горели утеплители. Дым поднимался, постепенно копился, перекрашивался в черное-синее-желтое и, повинаясь направлению ветра, мрачной рекой уплывал в соседние города и деревни и заполнял их узкие улочки и дома.

Далеко в корпусе раздался небольшой хлопок, через секунду из-под крыши повалил клуб черного дыма, быстро смешался с остальным.

– Похоже, станок бомбануло, – вздыхает Руслан.

– Поехали отсюда, – Ася старается не плакать.

Дорогу впереди перегородили, пришлось разворачиваться по траве и протискиваться по обочине между посадок.

Дороги, крыши, заборы – все кругом потускнело от безликой копоти и сажи. Елки и тополя покрылись грязной, серой, пятнистой зеленью, при ветре с них осыпалась черная пыль.

Руслан всю дорогу молчал. Наверное, и он понимал, что их дела плохи. Завтра понедельник, и завтра будет решающий день. Начитанность и образованность Руслана не позволяли ему верить в чудеса.

Он унаследовал от отца редкостную привычку – каждую свободную минуту уделять чтению. Чтение было его страстью. Он проводил за ним все свободное время, погружаясь и проглатывая шестисотстраничные «кирпичи» за пару дней.

Еще школьником он перечитал все книги в библиотеке и, пользуясь уважением у библиотечарей, получал довольно редкие экземпляры. Библиотекари баловали своего любимчика и собирали книги со всего города, а иногда даже делились «самиздатовскими» запрещенными рукописями. Когда Ася познакомилась с Русланом, он читал напечатанную на электронно-вычислительной машине книгу Булгакова «Мастер и Маргарита». Длинные листы перфорированной бумаги скорее напоминали альбом. Так что целый абзац умещался в одну строку. Книгу приходилось раскладывать на обеденном столе и двигаться вслед за строчками вправо, потом всем телом возвращаться и снова ползти за строкой. Чтобы ее не потерять, Ася пользовалась линейкой. Для Аси такое чтение было утомительным, а Руслана это нисколько не останавливало. Казалось, что вслед за буквами он и сам уходил за горизонт.

Эти же библиотекари написали о прекрасном школьнике Руслане Загребине в местной газете. Руслан был возмущен: из статьи получалось, что он такой паинька, бла-бла-бла. «Дети, берите с него пример!» – призывала газета. Руслан паинькой никогда не был, он был хулиганом – порой весьма циничным и жестким. Непонятно, как сочетались эти два совершенно разных характера в одном подростке. Но эта гремучая смесь теперь помогала Руслану быть успешным предпринимателем. Но самое главное, что Ася в нем любила и уважала, так это его справедливость, честность и предсказуемость. Руслан был хорошим мужем. Во-первых, не капризным. Избыток соли не замечал, все сырое, горелое и невкусное запивал чаем. Он всегда был в хорошем настроении и был щедр на ласки и комплименты. Он чирикал их безостановочно, бесконечно одаривал Асю и всех дам вокруг восторженными руладами. Казалось, его хватало на всех.

Асе все немного завидовали, особенно соседка по малосемейке.

Завод, чтобы как-то решить квартирный вопрос, в одну квартиру заселял несколько семей. Загребины занимали большую комнату двухкомнатной квартиры, а в маленькой жила Алевтина. Ася до сих пор помнит, как Алевтина заселялась. Пришла беременная, с торшером. Тяжело переступила через порог, оперлась спиной о дверь. По одышке чувствовалось, как мучительно ей дались пять этажей. Она стояла с открытым ртом, щеки покраснели, на лбу испарина. Своим большим животом и оранжевым торшером она сразу заполнила все пространство прихожей.

– Алевтина, – представилась соседка, – я вот из роддома сбежала, чтобы, значит, заселиться.

– Вам помочь? – предложила Ася, намекая на торшер. Почему именно торшер? И как ей в голову пришло притащить именно торшер? В ее маленькой комнате разместится только кровать, стол и все! Места для торшера там нет. Хотя он может главенствовать посреди комнаты. И стоит только его включить, как возле него сомкнется круг комаров, просвеченных оранжевостью. А комаров в этом году было особенно много.

Алевтина отказалась от помощи и, подхватив торшер, пошла в ближайшую комнату.

– Это наша, – подсказала Ася.

– Где моя?

– Там, – махнула рукой Ася в конец коридора.

Алевтина зашла в комнату, поставила торшер посередине, огляделась.

– Чего такая маленькая?

Ася удивилась, промолчала.

– А где балкон? – Алевтина открыла окно, будто в поисках балкона, выглянула на улицу. – Балкон, спрашиваю, где?

Ася топталась на месте в домашнем халате, тапочках на босу ногу и чувствовала себя виноватой, как будто это она посмела распределить этой прекрасной беременной женщине такую маленькую комнату без балкона.

– Здесь пятно от зеленки, а здесь порваны обои и... – обрушивала Алевтина на Асю все свои претензии.

– Но вы можете отказаться, – мямлила Ася. Ей было неприятно с грубостей начинать знакомство с новой соседкой.

Алевтина застыла в выжидательной позе.

Ася поднялась на носки, развернулась и ушла в свою комнату. Алевтина бесцеремонно зашла следом.

– Значит, балкон у вас?

Руслан оторвался от книги, удивился неожиданному гостю.

– Алевтина, наша новая соседка, – представила ее Ася.

Алевтина стояла посреди комнаты, распространяя запах пота. Увидела Руслана, и ее лицо начало странно увеличиваться. Увеличивались глаза, губы, раздувался живот, словно готов был родить здесь.

Ася вновь испугалась: «О нет, не вздумай!»

Но Алевтина сделала шаг к Руслану, и тут начался очень плохой спектакль.

Алевтина: Руслан? (Присела.) Русланчик? (Раскинула руки.) Русланушка?

Ася удивилась. Руслан отложил книгу, спешно стал натягивать футболку на голый торс.

Руслан: Мы знакомы?

Алевтина: Да брось, Русланчик.

Руслан виновато оглянулся на Асю. «Он не помнит эту женщину» – и Ася это поняла, и, кажется, поняла Алевтина.

Алевтина: Ты что, реально не помнишь?

Беспамятство Руслана ей показалось безумием, и тут ее осенило.

Алевтина: Ты этой дуры боишься? (Кивнула на Асю.)

Ася вздрогнула: «Это она про меня, что ли?»

Алевтина (Руслану): Гони ее к черту!

От хамства соседки Руслан оправился первым. Он подошел к Алевтине, взял за локоток и стал подталкивать к двери.

– Мадам, мы были рады с вами познакомиться, а теперь извольте покинуть нашу комнату, – говорил по-книжному нарочито вежливо и церемонно.

– Русланушка, – пыталась вывернуться Алевтина, – а как же балкон? Мне пеленки сушить надо. Пеленки, говорю, сушить негде. Ну помнишь, мы же на базе... с девчонками, Марьямку помнишь?

Имя Марьямки прозвучало горным обвалом.

«Марьям... Марьям... Марьям...» – шло эхом по комнате, квартире, дому.

Даже Ася знала Марьям – заводскую красавицу. Марьям с Русланом работали в одном цехе. Он с первой секунды в нее влюбился. Как только она устроилась в цех, он сразу ее заметил и сразу пропал. Весь юношеский организм ожил, запылал костром. Он бесконечно подглядывал за ней из-за станков, случайно встречался у раздевалки, садился в столовой за один стол, но о чем-то большем боялся даже думать. Если со всеми девчатами шутил, балагурил, то при виде Марьям терялся, краснел. Мужики посмеивались над Русланом, подбадривали: «Давай, пацан, не дрейфь!»

Марьям подошла первой, предложила сходить в кино. Это была прекрасная первая любовь. Весь цех наблюдал за ними. Мужики завидовали Руслану.

– Эх! – говаривал Витка Махков. – Был бы молодым, отбил бы Марьямку.

Марьям в ответ громко смеялась. От ее смеха весь цех наполнялся радугой, щебетанием птиц.

Все вокруг кружилось, все несло: первый поцелуй превратился в первую ночь, первая страсть – в первый отказ. Марьям отказалась выходить за Руслана замуж. Она ломала руки,

плакала, стонала и отказывала. И непонятно почему. Может быть, из-за шрама на губе, с которым Руслан родился.

Руслан отпустил локоть Алевтины и внимательно в нее взгляделся.

– Вы, вы, кажется, работали в библиотеке.

– Да, да! – видимо, пытаясь подпрыгнуть от счастья, Алевтина присела, поднялась. Хотела высоко, а получилось смешно.

Обернувшись к Асе, похвасталась:

– В технической. Я ему по блату чертежи давала! Если б начальство узнало, зае... Я ж понимаю. Марьямка моя подруга. Я ж понимаю, у меня, может, тоже тонкая душевная организация.

– Рад был встрече, – выпроводил Руслан Алевтину из комнаты, потом долго пил чай на кухне, курил на балконе.

Ася посмотрела на часы.

– Может, успеем в Елабугу?

– Зачем? – притормозил Руслан.

– Детей заберем.

– С ума сошла. Посмотри, что творится, – показал он на шлейф дыма.

По лобовому стеклу поперек дыма полз зеленый плоский жук. Ася видела, что это его последнее движение. Он бы рад взлететь, но не может. Подкрылки почернели, лапки расплылись. Его узорчатый живот касался стекла, оставляя влажный след зелени. Это походило на послание людям: «Что вы творите с нами! У вас масса других важных дел: родители, дом, дети, любовь!»

– Останови машину, – попросила Ася, – жука уберу.

Руслан включил дворники. Щетки судорожно дернулись, одним махом скинули жука.

– Домой?

– Что-то мне беспокойно, – пожаловалась Ася.

– Завтра будет завтра, – Руслан выдал обычную шутку своего партнера.

Это было у них вроде игры. Партнер Руслана по бизнесу Саша Костырко каждое последнее воскресенье месяца возил всех друзей в свою баню, которую он называл «Королевской»: бассейн, две душевые комнаты, парная, соляная комната, печь с фитнес-камнями, японское массажное кресло. Там их встречала госпожа Костырко со своей неизменно королевской осанкой и взглядом, переполненным презрением. Она жутко не переваривала эту традицию, после которой мужа надо было выводить из затяжного запоя. Во всех грехах она винила Руслана, предполагая, что именно он является зачинщиком и искусителем. Переубедить ее было нереально. Госпожа Костырко передавала мужу ключи от бани, всех гостей предупреждала, что через несколько часов она попросит их удалиться. Мужики отшучивались, пытались говорить ей комплименты, она в свой черед говорила, что будет звонить их женам.

Руслан как мог старался отказаться от этого грандиозного события. Отнекивался, отшучивался, приводил какие-то надуманные доводы и всегда проигрывал Саше эту словесную баталию.

Госпожа Костырко уходить не спешила, всех представителей Сашиной породы провожала тяжелым, ненавидящим взглядом: вот они поднимались на крыльцо, вот, отдуваясь и пыхтя, затаскивали сумки с продуктами, отворяли тяжелую дверь предбанника и скрывались внутри.

– Не забудьте! – чернела она всем лицом и телом.

– Нет-нет, не забудем, – улыбались мужики.

– До свидания, – выталкивал ее Саша из бани.

– Завтра... – пыхла госпожа Костырко.

– Завтра будет завтра, – хлопал он ее по тощему заду и громко смеялся.

Этот ритуал никогда не нарушался.

Ася хлопнула дверью машины, быстро взлетела на пятый этаж. Руслан остался внизу покурить с мужиками.

Соседка копошилась на кухне. Ася прошмыгнула в комнату, прикрыла дверь. В комнате было жарко, но не душно. Ветер изменился или совсем прекратился, видно, как серый дым, лениво завиваясь, поднимался и таял в ясном небе.

На кухне что-то грохочет.

Ася боится. Боится выйти на кухню и посмотреть. Боится подойти к холодильнику, поставить чайник на плиту, согреть суп. Боится увидеть соседку на кухне. Она боится ее всегда, даже если та у себя в комнате. После ее заселения квартира стала напоминать Асе больничную палату, где ей жестко забинтовали все тело и оставили так жить. Руки по швам, мир наизнанку сквозь щель бинтов, болезненные уколы соседки. С патологической скрупулезностью она бесконечно жалит грубыми словами, похабными намеками и вывертами. Ее желчь неумолима, энергия бесконечна, хамство вечно. Она хитра и коварна. Она одновременно меняет голоса, меняет форму, меняет сущность и откровенно правдива во всем. Только для Аси она выдает одну правду, а для Руслана у нее приготовлена другая, которая голосом ангела льстит его уху.

Асе совсем не нужна шипучая многоликая правда Алевтины. Ася в поиске ответов на бесконечные вопросы.

«Какое она имеет право давить на меня?

Чем она лучше?

Умнее?

Богаче душой?

Тоньше организована?

Сильнее? Значительнее?

Почему я должна признать ее превосходство?»

Эти безответные вопросы высасывают воздух из легких и разъедают мозг.

Ася с нетерпением ждет понедельника. Она представляет зрительный образ трехкомнатной квартиры. Прихожая с кладовкой, большая комната с огромным окном, две комнаты поменьше. Ася ждет избавления и оно уже наступит завтра, других вариантов она не приемлет.

Долгое ожидание избавления меняет человека. Ася постепенно становится агрессивным существом, не поддающимся убеждению, не склонным к переговорам и дискуссиям, упрямо настаивающим на своем праве. «Скажи ей правду», – требует существо, глядя в удаляющуюся спину соседки. Соседка оборачивается, презрительным взглядом сдавливая, скручивает внутренности Аси.

Тишина.

Ася шагнула в темноту кухни. Ей не требовалось включать свет, чтобы сориентироваться, все здесь знакомо. Чашки на второй полке, блюда чуть выше. Ася пробежала пальцами по баночкам, как по корешкам книг. У каждой баночки была своя особенность: шершавая – китайский чай, с металлической петелькой на крышке – черный с добавлением листа смородины и мяты.

– Воруешь?

Ася вздрогнула, уронила банку.

Руслан звучно рассмеялся.

– Тише ты! – цыкнула Ася.

– Извини, не удержался. – Руслан включил свет, громко поставил чайник на плиту, потянулся за зажигалкой.

– Русланчик, у меня чайник горячий. Да и заварку я приготовила.

«Завяжите мне глаза и уши, и я узнаю этот медовый голос из миллионов звуков».

- Печенье испекла, – продолжала зазывно мурлыкать Алевтина.
- Спасибо, – улыбнулся Руслан Алевтине и включил газ.
- Как дела?
- Отлично! – соврал Руслан. Пока он стоял у подъезда с мужиками, приехал Саша Костырко и поведал, какой их ожидает сюрприз. Это был сюрприз нулевой гравитации.

Глава 3

Нулевая гравитация

Это был воистину самый неудачный день в их жизни. Едва сквозь выгоревшие зеленые шторы в комнату проникло пятно солнечного света, во входную дверь громко забарабанили: «Бам! Бам! Бам!» И так раз десять. Ася поднялась, стала искать тапки, но Руслан опередил. Чтобы стучать с такой силой, надо иметь крепкие мышцы и кулаки. Ожидая увидеть соседа или, может быть, гостя Алевтины, Руслан старательно, до хруста выпрямил спину и, разрабатывая плечевые суставы, двинулся встречать непрошеного гостя. Но за дверью стоял Саша Костырко.

Словно не видя Руслана и не сказав ни слова, Саша протиснулся боком в щель между стеной и вешалкой Алевтины, занимавшей полкоридора. На вешалке висели зимнее пальто, шуба, пуховики, и это было удивительно: все-таки на дворе теплая весна. Наверное, Алевтина знала, что весна с летом не задержатся, и поэтому не утруждала себя лишними хлопотами. В одном из карманов пальто лежал ключ для мужа Алевтины. Он иногда появлялся, пожимал руку Руслану и, называя Алевтину «богиней», брал ключ из кармана пальто и скрывался в комнате. Он всегда приходил только во время ее отсутствия, словно выжидал на улице, когда она благополучно свалит.

Дальше перед Сашей оказались две двери: одна в комнату, другая на кухню.

Саша выбрал кухонную – толкнул, сел на табурет, еле сдерживаясь, чтобы не начать орать, но не орал, потому что боялся разбудить весь дом.

Он сидит на табурете, и в узкую щель между дверьми и столом вряд ли кто протиснется, не зацепив его. И Алевтина цепляет. Нарочно. Демонстративно. Всем своим широким тазом, выцветшим халатом и всей сотней хвостов под ним. Саша уверен, что Алевтина злая стохвостая ведьма, но она так искусно прячет хвосты под халатом, что со стороны это выглядит роскошным бабским задом.

Однажды Саша поделился с Русланом своим наблюдением. Руслан долго смеялся и в бане рассказал мужикам. Много тогда было подколов, и эти забавные страхи стали достоянием всего товарищества. Саша в притворной ярости выпивал лишний стопарик и продолжал бояться Алевтины. Сам же Руслан, хоть и подшучивал над Сашей, но порой после очередного скандала с Алевтиной ненароком присматривался к ее формам – вдруг Саша действительно прав. Алевтина этот взгляд улавливала и, расценивая его на свой удобный лад, начинала еще больше флиртовать с Русланом.

– Прив-е-т... – протискиваясь между стеной и Сашей, пропела Алевтина.

– Ну... да... – невольно отозвался он и громко позвал. – Руслан, ты где?

– Бреется, – вышла на кухню Ася и, увидев Алевтину нахмурилась.

С утра еще скандала не хватало. Обычно Алевтина просыпается к обеду и надолго заполняет ванную своим рыхлым телом. Бережно мизинцем трогает воду, определяет температуру. В зависимости от настроения ей каждый раз требуется разная, по принципу: чем грознее, тем холоднее.

Асе полагается вскочить пораньше, помыться, постирать, приготовить завтрак. Горе ей, если не успеет до пробуждения соседки.

– Чай, кофе, – предлагает Ася в надежде, что Саша откажется.

Он мотает головой.

Алевтина со стаканом воды протискивается обратно.

– Я пойду, – вскакивает Саша, – на улице подожду.

Руслан уходит следом.

Ася притворяет дверь, опирается о нее спиной. Страшно. Страшно, если сегодня все не получится. В комнате душно, как в парилке, нос щиплет, воздух отравлен выбросами пожара. Значит, завод продолжает гореть, значит, продолжают гореть все ее надежды на квартиру.

В тот день, когда Ася сказала Алевтине о перспективе получения трехкомнатной квартиры, та немного успокоилась и ослабила хватку, ведь после ухода семьи Загребиных у нее появлялся шанс закрепить их комнату и стать полноправной хозяйкой всей квартиры. Ради этого можно потерпеть, решила Алевтина и стала ходить по квартире с мученической скорбью, будто ее лишили любимой игрушки.

Что теперь будет? Что будет, если завод не выполнит свои обязательства и Руслан с Сашей не получат свои пять автомобилей? Это была плата за выполненную работу. Один КамАЗ полагся Руслану, второй – Саше, а три решили оставить на развитие бизнеса.

Год назад Саша нашел выгодный заказ, предложил Руслану партнерство. Руслан согласился. Всей душой вложились в это предприятие: занимали деньги на металл, покупали доски, меняли на краску, нанимали сварщиков, кормили рабочих. Выкручивались как могли. Порою даже сами сменяли сварщиков и варили поддоны. Так как у завода не было оборотных средств, то торговались на бартере: две тысячи поддонов на пять КамАЗов. Руслан с Сашей выполнили свои обязательства, и теперь настала очередь завода. Дирекция завода не отказывалась, но постоянно возникали препятствия: то печатать не в том месте, то конвейер пуст. А теперь главная причина – горит завод двигателей.

В этой цепочке пострадают все, кроме хозяина трехкомнатной квартиры, с которым Ася договорилась обменяться на автомобиль и уже внесла залог. Небольшой, правда, но все равно двести долларов на дороге не валяются. За эти деньги нянечки в детском саду два месяца опорожняют изящные детские горшки с веселыми бабочками и грибочками на боку.

Ася вышла на балкон, стала снимать белье, попались большие розовые трусы. Ася тихо выругалась, стала внимательнее. Балкон тянулся вдоль комнаты Загребиных и кухни, но дверь на балкон была только в комнате, а на кухне – окно. Алевтина приноровилась вылезать на балкон через окно и развешивала свое белье. Трусы, трусы, трусы – восемнадцать штук, подсчитала Ася. Совсем совесть потеряла. Но с трусами еще можно разобраться, а вот с детскими колготками совсем беда. Ася для дочки старалась купить яркие, но не всегда получалось, иногда покупала и синие, если они были дешевле. На веревке они висели вперемежку с Алевтиниными, а та выбирала не по цвету, а по качеству. Просто снимала новые, оставляя Асе старые и дырявые. В ответ на Асины замечания Алевтина, естественно, с огромным удовольствием устраивала скандал, выходила во двор, рассказывала соседям, ходила жаловаться к старшей по дому. И так каждый раз. Благодаря стараниям Алевтины за Асей потянулась дурная слава. Соседки судачили, бухтели, а потом не чурались обращаться за помощью: то молока попросят, то сметаны, то в деревню отвезти, то ночью в больницу. Во всем сорокаподъездном доме машины были только у четырех семей. Если все остальные часто отказывали, то Руслан старался откликнуться и никакой платы за это не брал.

Ася сложила вещи стопочкой и почувствовала, как изнутри ее сжигает пламя ожидания. Каждое движение отдавалось болью, словно она наступала босиком на раскаленные угли. Она чувствовала, что у нее не хватит сил дождаться вечера. Быстро собралась в Елабугу.

Домой к свекрови заходить не стала, в такую теплую погоду она обязательно с внуками на даче.

Это недалеко, от остановки направо через парк. Высокие березы, вытоптанная трава, прошлогодние листья – все побуревшее за зиму. Проявились первые нити травы, с нетерпением дождавшиеся солнца. Болезненные рахитики, тянущиеся к свету, чтобы насытиться теплом, отмыться от талой грязи и ожить новыми всходами. За парком небольшой овраг, перехваченный цепью дачных домиков. Теснясь и напозая друг на друга, распластались кусты малины, вишни, смородины. Им уже не хватает места внутри, они захватывают новые территории во все

стороны от домов и заборов. Кажется, что овраг вгрызается в горизонт и исчезает в голубом небе, но это обманчиво.

Совсем скоро, за башней Чертового городища – глубокий обрыв. Здесь надо аккуратнее. Голову кружит, как ветряную мельницу. Отсюда горизонт растворяется в белесой дали: смотришь-смотришь и никак не разберешь, где кончается земля и начинается небо. Внизу разлилась Кривуша и затопила заливные луга. Каждую весну из извилистой мелкой речки она ненадолго превращается в полноводную реку. Но придет жара, Кривуша пересохнет, и можно будет пешком добраться до острова. Сейчас остров похож на шляпу, которую оставили посреди реки. Вокруг него стелется широкая ярко-желтая лента песка, которая меняет цвет в зависимости от захода или восхода солнца.

Ася пытается по солнцу определить восток. Немного путается. Кажется, что солнце поднималось сзади из-за города, а может, наоборот, шло навстречу. Со вчерашней ночи вопрос востока стал Асю интересовать.

Вспорхнула птица, испуганная Асей, из травы выскочила кошка, фыркнув на нее, тихо скатилась на дно оврага и пропала в траве. Разноцветным «тр-р-р» ожили кузнечики и сверчки.

Приближался полдень. Еще одно утро уходило. В светлеющем зеленоватом сумраке парка постепенно вырисовывались ворота, как решетчатое светящееся окно в облаке тумана. За воротами была другая жизнь: спокойная, размеренная. Здесь – упорный рокот машин, шторм вскипающих эмоций, бушующие людские судьбы. Стоит шагнуть за дачные ворота, время дышит другим воздухом, словно речная вода тихим плеском наплывает на песок, и от их соприкосновения теплым паром клубится летучая морось. И так во всем дачном поселке, на протяжении всех неровностей берега.

Ася подергала ворота – заперты. Надо лезть, а это настоящая опасность для брюк. Двое уже порваны, одни валяются на даче, вторые ушли на шорты. Ася ухватила за два железных прута – они высоченные, как трубы теплостанции, – ногой прицелилась к перекладине, попала в какую-то кривую щель, качнула тело вверх. Все в том порядке, в каком учил Руслан.

Из-за деревьев появился сосед – дед Василий. После укуса клеща хромал на правую ногу. Узнав Асю, ругаться передумал, сразу простил. Долго тыкал кривым ключом в черный амбарный замок. Злился, доставал из глубины памяти пятиэтажные обороты матерного фольклора. Ася вслушивалась в нагромождение слов, пыталась запомнить и осознала, какой она молодец в этом виде искусства.

При каждом вдохе он издавал странный звук, похожий на визг тормозов: «Ж-з-з... ж-з-з...», это невозможно воспроизвести, а звучит пугающе жутко. Возможно, с таким присвистом проходит воздух в дыры между его зубов.

– Ваша вишня... ж-з-з... ж-з-з... ко мне в сад лезет.

Щелчок – и замок открывает пасть.

– Какая вишня? – не понимает Ася.

Дед тянет ворота на себя.

– Давеча хмырь приходил к вашим, выкопал пару кустов.

Ася пожимает плечами, мол, ей какое дело.

Он смотрит на нее с прищуром, замечает ее настроение, как она ерзает от нетерпения. Теплеет взглядом – «эх, молодежь, молодежь», но улыбку в углах запавшего рта подавляет сигаретой. Нельзя было открывать улыбку человеку без настроения. Не ради забавы, видать, приехала, на ворота полезла. Мы уйдем, а им еще останутся долгие годы. Ася ему нравилась: не пустобреха какая-нибудь, а крепкая, дельная, в самой силе. Когда-то его жена Валюша была такой. Василия много любило женщин, но он только про Валюшу и думал. До свадьбы думал, а после свадьбы обижать стал. Принято так было: раз мужик бабу бьет, значит, любит. Думал – век нескончаем. Только поздно узнал, что это не так. Ушла Валюша, как-то совсем быстро угасла. Ну да ладно.

Ася бежит по тропинке скоро, руками машет, вроде как на лыжах катит.

Свекровь возится в кустах малины. Мерно щелкают кусачки, ветки летят за забор. Детей не видно.

Ася зашла в дом: дочка спит на топчане в ворохе старых курток и тряпок, сын пьет чай.

– Мамка! – вскакивает он, бежит обниматься.

Он красивый и крепенький, лицо испачкано грязью, на левой руке у основания кисти видна глубокая свежая царапина.

– Что это? – хватает она сына за руку.

– Ай, – пытается он увернуться.

– Рома!

– Какая разница. В овраг с Алькой бегали.

– Алька как? – вздрагивает Ася.

– Ма, все норм. Ну че ты?

– Дай посмотрю. Надо перевязать.

– Скатился неудачно, ну вот – пропорол. Абийка уже помазала.

– Тише, – цыкнула Ася, – Альку разбудишь. Пошли, умою.

– Сам.

Они вышли на улицу. Рома наступил на кирпичи перед бочкой с водой, не спеша вымыл руки и принялся за лицо. Ася порадовалась – большой стал, вроде совсем недавно со схватками сидела на автобусной остановке и молила Аллаха не родить прямо на улице. Прошло уже семь лет. За это время и Альку выносила, и институт окончила.

Ромка тер щеки, лоб, оглядывался на мать.

– Вот тут грязно, – подсказывала она и порывалась помочь.

– Ма, хватит, вода холодная.

Свекровь, услышав разговор, показалась из малины.

Увидев Асю, улыбнулась.

– Как дела?

– Нормально, – ответила Ася, стянула с ветки яблони полотенце, протянула сыну.

Ромка утерся и, заметив прутья малины, стал собирать их в охапку.

– Что-то случилось? – пыхтя и отдуваясь, свекровь села на землю.

Она сидела прямо, широко раздвинув ноги, приготовив место для большого живота, и положив большие руки на колени.

Ромка хлестнул прутом об угол дома так, что поднялась прошлогодняя трава и поднялась пыль.

– Уф! – пробормотала свекровь и стала елозить задом, чтобы повернуться спиной к внуку и отгородиться от пыли.

– Ром, – прикрикнула Ася, – ну опять весь в пыли.

Мальчишка сбежал к забору. Скоро там ходуном заходили кусты смородины и жимолости.

– Уф! – переживала свекровь за кусты ягод, потом похлопала по земле, приглашая Асю сесть.

Ася на земле сидеть не умеет. Во-первых, апрельская земля еще холодная, во-вторых, ей обязательно нужен табурет, а лучше складное кресло со спинкой.

Свекровь это знает, подсказывает.

– Там, под вишней.

Ася расправляет кресло, вытягивает полосатый брезент, чтобы получилась удобная плоскость. Свекровь то и дело вытирает припухшие глаза рукавом платья и задумчиво кивает, наблюдая, как сноха устраивается: тонкие руки – на подлокотник, спина – меж металлических перекладин. Ощущение, что располагается на всю жизнь, но это не так; посидит минут пят-

надцать, потом начнет наводить весенний порядок: разбросанные тряпки – в стопку, мусор – за ворота на помойку. Здесь главное – уследить, чтобы заодно не вынесла пустые баллоны, пакетики с семенами, рваные платья, которые еще можно пару раз надеть, а потом пустить на тряпки.

– Что с квартирой? – потирая колени, спокойно спрашивает свекровь.

Она даже не подозревает, что этот вопрос – укол в самое сердце. Поддавшись печали, Ася начинает путано рассказывать. Свекровь внимательно слушает, не перебивает, иногда только не сдерживается и с разной интонацией повторяет: «Уф, Аллам».

Ася несколько не сомневается, что своим выдохом она немного облегчает свою душу. С другой стороны, все, что она сейчас излагает, завтра будет известно всей Елабуге. Особенно быстро это произойдет, если предупредить свекровь стандартной фразой «только, пожалуйста, никому не рассказывай». Все! Сарафанное радио в эфире.

Непонятно, чем объяснить такое стремление поведать миру новое знание, может, отсутствием удивительных событий в собственной жизни, может, нереализованной общительностью и разговорчивостью.

Если свекрови попадалась какая-то новость, то пятнадцатиминутная дорога от дачи до дома превращалась в нескончаемое путешествие. Она умела ладить с людьми и поэтому знала всех женщин старше сорока и заодно их мужей, детей, родителей. Новость встреченным соседкам передавалась неторопливо, долго, с понижением или повышением голоса, трагическими взмахами рук. Неожиданно в ее характере проявлялись какие-то театральные черты, что-то игривое и порой даже пафосное. Пересказ самого мелкого события превращался в моноспектакль. Соседки внимательно выслушивали и разносили весть по городу с новыми подробностями. Бывало так, что Ася с Русланом еще не успевали выехать из Елабуги, а в городе уже знали, что Ася в институте завалила все экзамены, хотя по первоначальной новости была не сдана только информатика.

– Сагадат апу с бабой Верой в пятницу похоронили, – вдруг огорошила Ася свекровь.

– А-а-а! – вырвалось у свекрови из груди, и она сразу накидала кучу вопросов. – Как? Когда? Почему? Зачем?

Естественно, у Аси не на все были ответы. Как, к примеру, ответить на вопрос: зачем умерли? Ася только знала, «как умерли», потому что сама видела, сама при этом присутствовала.

– В мечети было много народу, – рассказывала Ася. – Старушек любили. Они, наверно, мечтали, чтобы люди шли к ним бесконечным потоком. Два часа мулла ждал. Говорят, когда старушек увезли на кладбище, люди продолжали приходить и переживать, что опоздали. Похоронили по татарскому обычаю в тот же день около деревни Камаево, на родине Сагадат апы. Муж Сагадат апы Нурислам абый держался молодцом, с трудом сдерживал слезы. После тряс Руслану руку благодарил, что не бросили его одного, помогли, сам бы он один не справился, ноги совсем чужие. Просил Руслана и его не бросить в случае чего. Уж после Сагадат апы он долго не задержится, быстро к ней соберется. Руслан пугался, всматривался в старика.

С упреком в глазах из домика вышла заспанная Алька.

– Солнце, – выпрыгнула Ася из кресла, схватила дочь на руки.

Алька скуksилась для плача.

– Что такое? – удивилась Ася. – Не выпалась?

– Аби...

– Что аби?

– Аби... – хныкала Алька и тянула руки к свекрови.

– Я ей ежика обещала показать, если спать ляжет.

– И мне, – материализовался из-за кустов Ромка.

Свекровь относилась к тем людям, которые не ищут популярности у детей обманчивыми обещаниями. Асе самой стало интересно, где свекровь возьмет ежика.

Свекровь начала подниматься. Для этого она легла на бок, перевернулась на живот. Сперва высоко вверх пошел зад, потом, передвигая руки и ноги навстречу друг другу она сложила в подобие треугольника, легонько оттолкнувшись руками, оторвалась от земли и затем выпрямила спину в полный рост.

– Уф, Аллахаем! – шепчет бесконечно и идет за домик, ищет корзину, завязанную выгоревшим платком. Внуки хвостиком тянутся следом.

В корзине кто-то шевелится, фыркает, копошится.

– Език, език, език, – пританцовывает Алька и пытается заглянуть под платок.

– Тише ты, – по-взрослому строго останавливает ее Ромка.

– Откуда? – взглядом спрашивает Ася у свекрови.

– Утром в малине нашла, – отвечает она и обращается к внукам. – В овраг пустите.

– Аби, – канючит Ромка, – давай оставим.

– Не. Ему деток надо растить. Погибнут без него.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво прищуривает левый глаз Ромка.

– Так его жена приходила, за мужа просила.

– Аби, врешь?

– Вру, – без тени улыбки соглашается она.

Ася копала грядку под морковь, дети ползали за ежиком, свекровь через забор разговаривала с дедом Василием. Процесс передачи новостей уже начался.

Ася копала с каким-то облегчением. Порадовалась, что удержалась от рассказа о сне. По пророчеству Сагадат апы именно сегодня приснится мать и скажет что-то важное. Глупость, конечно, ожидать чего-то сверхъестественного, но чуда хотелось. О чем это она? Сегодня только одно желание – получить КамАЗ и поменять его на квартиру.

А что, если не получится?

Нет. Об этом думать не хотелось.

Прихрамывая на больную ногу в огороде появился дед Василий.

– Про Сагадат апу правда?

– Да!

– Я не поверил, – честно признался он. – Я думал, она будет жить вечно.

Зачем он это ей говорит?

– Мы с ней на танцы бегали, женихались. Она моей мамке не понравилась. Зачем, говорит, мне невестка такая. Малявка, без году неделя, как школу закончила, а языком так и молотит! Ни тебе уважения, ни тебе стыда! А я как раз за это ее и любил: за правду в глаза, открытость и честность. Зачем мне тихоня? Они как протухшие яйца: снаружи чисто и гладко, а изнутри – нос заткни.

Дед выглядел абсолютно раздавленным, Ася сомневалась, сумеет ли он вернуться в свой домик. Но свекровь подобрала его за руку и потащила обратно.

Пока свекровь провожала соседа, Ася практически докопала грядку.

– Брось, – велела свекровь.

– Немного осталось.

– Ромка, Алька, – позвала свекровь так, чтобы было слышно во всем дачном поселке.

Дети появились, но ежесекундно норовили сбежать к ежику. Выдержали минут пять.

– Езику езику... – Алька складывала в тарелку хлеб, картошку, огурцы.

– Сама ешь, – делала строгий голос свекровь и одергивала гарцующего рядом Ромку. – Сядь нормально, подавишься.

Ромка хватал яйцо, целиком пихал в рот, запивал чаем.

– Уф! – сердито пыхтела свекровь.

У нее был властный и суровый характер, но все равно никто ее не боялся. Потому что ругалась она как-то неумело, путалась в словах, переходила на визг и широко шлепала руками по своим тыквенным бокам – выглядело это все не страшно и смешно. Обычно, когда она начинала кричать, Руслан улыбался, обнимал ее за плечи, тискал, мямл, разминал, как подушку перед сном. Свекровь от такого натиска терялась и, признавая поражение, обреченно махала рукой. Ася относилась к свекрови по-доброму, любила ее и желала одного – чтобы она не вмешивалась в их семейную жизнь и не болела.

– Вы куда? – ухватила Ася Ромку, когда он с набитым ртом собрался улизнуть из домика.

– У-б-р... – чуть не подавился Ромка.

– Език, – помогла брату Алька.

– Я за вами. Собирайтесь домой.

– Нехосю... – захныкала Алька.

– Да ладно. Пусть остаются, – вступилась за внуков бабушка. – В Челнах дышать нечем.

Дым даже здесь.

Довод серьезный.

– У тебя и работы, наверное, много?

К сожалению, работы было невпроворот. После поминок в однокомнатной квартире родителей осталась немытая посуда, груда грязного белья. Обещала отцу вернуться на следующее утро, но отсутствовала уже два дня. Отцу восемьдесят шесть, и он абсолютно не приспособлен к жизни. Бесы усталости кружили над Асей и нашептывали шутку – было бы вежливо со стороны отца уйти первым, так как он был старше матери на шесть лет. Ася ужаснулась своей мысли, пошла к детям.

– Ну что, домой? Или здесь останетесь?

– Ма, пошли к Чертову городищу, – откликнулся Ромка.

Все понятно. Ну вот не дура ли она, предлагая детям поменять просторы дачной жизни на духоту комнаты на пятом этаже.

– Если вы не поедете, то я отправляюсь к отцу.

– Иди, – кивнул Рома, – мы тут с аби.

Глава 4

Отец

Через полчаса Ася вошла в подъезд дома, где жили родители, поднялась на второй этаж и нажала на кнопку звонка. Она даже удивилась тому, как долго отец не открывает: прошло по меньшей мере минут десять, пока он появился. Она думала, что он будет ждать на скамейке у подъезда и сразу набросится с выговором: почему так долго? Почему его бросила? Но он стоял в коридоре, в клетчатой мятой рубашке, в теплом трико с пятнами на коленях, а в комнате мерно тикали часы, в ванной капала вода.

Отец с первого взгляда показался очень странным. Он глядел прямо перед собой, но как бы никого не видел. Выцветшие голубые глаза полны решимости, но в то же время смертная бледность покрывала все лицо, словно он узнал что-то более страшное, чем смерть жены. Совсем побелевшие губы его слегка вздрагивали. Он был стар, но даже теперь выглядел моложе своих лет.

Отец был немногословным человеком, глуховатым на правое ухо, с цепким взглядом и романтической честностью. Также известна его бесконечная лень, дурная тяга к противоположному полу, превосходящая его возрастные физические возможности. Например, он знал секретные слова и такие особенности их произношения, от которых не избалованные мужским вниманием женщины мгновенно тупели и становились нежными и очаровательными, как лани. Еще одной страстью отца было желание ремонтировать все с помощью синей изоленты. Он тщательно наматывал ее на кран или на люстру, а если ремонт не получался, выбрасывал все на помойку и покупал все новое, синюю изоленту в первую очередь.

Ася сорвала изоленту с крана, разводным ключом подтянула барашек горячей воды. Капать перестало. Через шланг наполнила стиральную машину теплой водой.

После похорон и поминок в квартире царил бедлам. Грязная посуда стояла на столе, подоконнике, полу. Ася собрала полотенца, тряпки, сунула в воду, пустила машинку. Машинка нехотя ухнула, забурлила и с трудом пошла крутить.

Отец поначалу ходил за Асей следом, высматривал беспокойным и подозрительным взглядом: нет ли у нее желания снова сорвать откуда-нибудь изоленту. Но не заметив ничего подобного, улегся на двуспальную кровать и уснул. Кровать занимала почти полкомнаты, во второй части – сервант, трюмо со швейной машинкой, комод с телевизором. Чтобы выйти на балкон, надо было аккуратно протиснуться между диваном и квадратным столом, полностью заставленным цветами.

Ася переживала, что после похорон матери отец впадет в депрессию, но ничего подобного не случилось. Отец выглядел как человек, которому не было никакой надобности переживать. Все тверже и тверже понимала она, что отец с ситуацией справился, как человек, познавший все тяготы жизни и теперь продолжающий и дальше ждать часа, когда Аллаху заблагорассудится призвать его к себе, а стало быть, получить возможность вновь встретиться с супругницей. На все воля Всевышнего, сказал бы верующий человек. Хотя отец был атеистом, и, скорее всего, его голова свободна от подобных мыслей. В его планах нет ничего похожего, это все фантазии Аси, которая в последние дни начала немного думать о таких вещах.

Ася притворила дверь на кухню. Оказалось, отец сжег чайник и пару кастрюль. Кухня была маленькая: между газовой плитой и раковиной втиснут узкий стол, справа от раковины холодильник, напротив стол, укрытый цветастой клеенкой, под ним три табурета. Половину одной стены занимало окно с белыми занавесками ручной работы. Мать гордилась ими, потому что вышивала сама. Подслеповато шурясь, протыкала ткань иголкой, тянула цветную нитку вверх. По молодости, на зависть соседям и подругам, выходило красиво и аккуратно. А с годами стало получаться криво-косо и местами перетянuto. Но сейчас был главным не

результат, а сам процесс. Мать, бывало, приветливо встретив гостей и напоив их чаем, спустя несколько минут начинала расхваливать свои творческие шедевры. Везде: на табуретках, диване, окнах и стенах – были развешаны ее салфетки, кружева, подушечки. Хотя все было кособокое, неуклюжее и аляповатое, однако же приносило в дом какой-то уют и самобытность.

С треском остановилась стиральная машина. Ася полоскала белье, выжимала, шлепала в таз. Мать навсегда покинула их, и надо смириться с тем, что уход за отцом станет ее постоянной дополнительной заботой.

Развешивая белье, вспомнила о празднике, который отец устроил в гараже по случаю ее рождения. Ася была запоздалым ребенком и оттого очень долгожданным. Мать долго не могла выносить дитя, сказывались годы войны, ее работа за станком под открытым небом. Завод эвакуировали за Урал, она, еще маленькая и хилая, стояла на ящике и насыпала порох в патроны или снаряды. Если не успевала, то срочно приходилось сбрасывать заготовку в бункер, где та моментально подрывалась. Однажды зазевалась, и сноп искр вырвал мясо между третьим и четвертым пальцем. Мать иногда показывала шрам и дивилась, как со всем этим справилась. Рана тогда долго заживала, девочка жаловалась мастеру, тот в ответ бесконечно матерился, но от работы не отстранял. Лишь когда она с высокой температурой грохнулась на землю, перевел на укладку патронов в ящики. И еще однажды на день рождения выделил дополнительный паек из своего скудного запаса.

Если родится дочь, отец обещал проставиться ящиком водки. Обещание выполнил, и даже с превышением: большими кольцами нарезал колбасу, лук, прибавил щедрые толстые ломти черного хлеба.

Отец Асю баловал. Она была его королевой. По мнению отца, она лучше всех танцевала, пела, прыгала, рисовала. Лучшие подарки доставались ей. Отец никогда не отказывался от шашки и порой специально задерживался на работе, чтобы заработать лишний рубль. Иногда работал за кулек фиников для любимой дочери. Купить в магазине финики было невозможно, а вот перевезти мебель за финики, апельсины или конфеты порой получалось. Ася с удовольствием все это поглощала, потом запрыгивала в кабину отца, и они долго ехали на другую сторону горы, где располагалась автобаза. Потом начиналось таинство схорона инструментов. Отец заворачивал плоскогубцы, молоток, сумку с шайбами, лампами и другими железяками в кусок брезента, туго перетягивал шпагатом, залезал в кузов, подпихивал тяжелый сверток под тайную половую доску, сверху клал запаску и пристегивал ее к бортам цепью с амбарным замком. На всю эту процедуру уходило как минимум полчаса. И хотя отец был уверен, что никто из гаража не позарится на его добро, он все-таки предпочитал убирать от греха подальше.

Ася протерла веревки от пыли, стала развешивать мокрое белье. Время от времени с улицы слышался говор. Но по большей части царило молчание и доносилось лишь тиканье часов. Это те самые часы, которые отец купил по случаю ее рождения. Большие настенные часы с черными цифрами на золотистом диске. Откинув витиеватый крючок, отец открывал дверцу со стеклянным окошком и черным полым ключом запускал волшебство воскрешения часового механизма. Отец заранее знал, что на пятом повороте ключа произойдет щелчок и часы оживут в новом дыхании времени. Теперь легким движением тронуть круг маятника и запустить его монотонное, кажущееся бесконечным движение.

В тишине Ася чувствовала и слышала приближение вечера. Время несло и пожирало возможность что-то успеть. Его можно было сравнить с «великим колодезцем», на дне которого всевозможными рыбами светились звезды. Колодец ненасытно поглощал время, а оно, натолкнувшись на крутые откосы колодца, образовывало воронку и уносилось вглубь, безжалостно прихватывая все, что попадалось на пути. За одно мгновение все вроде сильное и мощное враз превращалось в хрупкое и беспомощное. Против воронки времени никто не мог устоять. Если

бы Ася обладала волшебным даром, она бы обязательно вычерпала из колодца пару ведер для матери. Пусть бы еще прожила пару лет.

Мать профессионально пекла пироги. И как бы Ася ни старалась, все равно перещеголять мать не могла. Мать работала пирожником в кафе. Еще не рассветало, а она уже открывала подсобку, включала тестомешалку. Лопасты медленно плыли по кругу, смешивая воду яйца, муку. Это тесто для пресных пирогов, в другое тесто добавлялись дрожжи, в третье – ваниль, в четвертое – сахар или карамель. Лопасты иногда менялись на проволочную грушу решетчатую лопату. Шесть ведер воды, пять мешков муки, пять-десять килограммов масла, специй, куча разностей для начинок, причем начинки готовились параллельно с тестом. Чан наклонился, тесто живой массой переползало в огромный таз и теперь нужно было только в теплоте и нежности. Не надо бить, мять, колотить. Чтобы получились вкусные и пышные пироги, нужны профессиональные руки матери. Мать работала по схеме два через два, – два дня работала, два дня отдыхала. В ее смену пироги никогда не задерживались на прилавке. Даже на вид они выглядели сладко и аппетитно.

Когда отец проснулся, Ася спала, сидя на стуле. Мокрое полотенце лежало на коленях, зажатое кулаками. Отец забрал полотенце, повесил на балконе, затем снял с вешалки куртку и прикрыл ею спинку стула и плечи дочери. Ася моментально проснулась, несколько мгновений возвращалась откуда-то издалека, затем вздрогнула, вскочила.

– Блин. Уснула.

– Спи. Я пока приготовлю ужин.

– Я не голодна.

– Я голоден, и ты голодна.

– Мне надо ехать.

– Успеешь. И вообще, оставайся у меня жить. Нам с тобой хватит моей пенсии, – сказал отец.

– Ну, пап, – вздохнула Ася, – ты опять за свое. У меня есть муж, дети. У меня есть семья.

– Я твоя семья, – и отец, словно угрожая, постучал палкой об пол. – Поняла? Я твоя семья.

Ася стянула куртку с плеч. Спорить с отцом было бесполезно.

– Поздно уже, поеду я. – Ася потянулась и вместо того, чтобы встать со стула, благополучно перетекла на диван. «Как хорошо!» – хотелось орать во все горло. Она с удовольствием расправила затекшую спину, вытянула ноги.

Отец, опираясь на палку, прошел вдоль дивана к двери, вернулся.

– Я здесь подумал, – остановился он против Аси. – Мне нужна женщина.

«Нужна так нужна», – машинально согласилась Ася.

– И ты мне ее найдешь! – и ткнул палкой так, что ее набалдашник замер в сантиметре от Асиного лба. Что это? Хотел напугать или специально метил в лоб? От удивления Ася округлила глаза.

– Мне нужна женщина, – повторил отец, и вновь его палка нацелилась уже в глаз.

– Я тебе что – сутенерша?! – разозлилась Ася, отбросила палку, встала.

– Ты не можешь мне помогать, я не могу жить один, что делать? – расстроился отец.

Ася понимала, что это тупик.

– Денег у меня нет, чтобы нанимать сиделку.

– У меня есть деньги. Ты же знаешь, что у меня ветеранская пенсия.

– Это сколько в цифрах? – задумалась Ася. Никогда не знала и не спрашивала. Отец с матерью жили скромно, и им вроде хватало.

– Двадцать восемь тысяч, – поделился отец.

– Ого!

Ася за него порадовалась. Даже навскидку можно было предположить, что государственная милость позволит решить отцовскую проблему.

Отец медленно жевал рисовую кашу с ямкой растопленного масла посередине. Не торопясь, он следил за тем, чтобы масло оставалось на месте и не уплывало в стороны. Однако с каждой ложкой стенки ямки истончались, и, хотя отец брал все меньше и меньше, островок прорвало и масло растеклось по тарелке. Отец промокнул его хлебом, надкусил и неподвижно замер. Хлеб еще делал круги по тарелке, собирая остатки масла и каши, а Ася уже стояла в прихожей.

– Я поехала. Не скучай. Попробуем найти тебе сиделку.

Солнце уже едва приметно коснулось горизонта. Закат разлился по всей ширине неба, но гораздо дальше Елабуги, ближе к Челнам. Остатки лучей тускнели, цеплялись за окна и балконы домов, крыши гаражей. Ася торопливо зашагала меж высоких тополей, облака над ними в свете заката похожи на розовые горы, с красно-желтыми круглыми макушками. Надо торопиться, последний автобус уходил через полчаса, но водитель иногда позволял себе вольность уехать раньше. Если опоздает, придется ночевать у свекрови или у отца. Но лучше успеть. Успеть узнать хорошие новости, узнать, что все получилось с КамАЗами, и уже завтра с утра заняться квартирными хлопотами. Тогда и с отцом вопрос решится, можно будет забрать его к себе.

Успела. Заняла место у окна. Автобус катил вдоль мачтовых сосен, так искусно презентованных всему миру Иваном Шишкиным. Рядом сидит девушка с таинственно-печальным взглядом. Наверное, студентка пединститута – и сейчас в романтической голове прокручивает зачет по Евгению Онегину.

Ася любила вечернюю дорогу, любила темные сосны за их изящество и стройность, за то, что дорого ценились художниками.

Наблюдая за деревьями, Ася уснула...

Глава 5

Ночь

Ася хотела забыть эту ночь навсегда. Она предпочитала о ней не говорить и ни с кем не обсуждать. И если Руслан с ней разведется, то пусть эта ночь останется абстракцией, а не итогом ее проигрыша.

Голоса на кухне Асю расстроили.

Во-первых, она узнала учительский тон матери Алевтины, во-вторых, саму Алевтину и, в-третьих, Руслана.

Больше говорила мать Алевтины. Ох и ядовиты были ее слова.

– Посмотри, какая у меня дочь красавица. Зачем ты живешь с этой маймылихой...

И еще много слов и убийственных доводов против Аси.

Алевтина поддакивала, Руслан отмалчивался.

– Я все слышу, – предупредила Ася. Сняла кроссовки, куртку, зашла на кухню. – Что здесь происходит?

Оковы ревности схватили сердце, голову. Она не ожидала от Руслана, что он все это слушает и, может, примеряет. По мнению Аси, он должен был отнекиваться, отбрыкиваться, а он, как козел, распустил бороду, выставил рога, вешайте на них лапшу, они у меня длинные.

– Тебя никак сватают? – обратилась она к мужу.

Было слышно, как заскрипела зубами мать Алевтины.

В глазах бездушие и цинизм. Пахло от нее кислым молоком и неприятностями. Каждое ее движение Асе казалось началом конца. Теперь она жалела, что не прошмыгнула в комнату и не спряталась в ней до утра. Не так уж плохо лежать на софе в одиночестве. Куда лучше, чем общаться с этой упырихой.

– Приперлась, – выдавила яд мать Алевтины.

Ася попыталась вспомнить ее имя и поняла, что просто не знает.

– Уважаемая, – Асю порадовала собственная отвага. – Освободите кухню.

– Эта моя кухня, – визгом стала на защиту матери Алевтина.

– Ваша только конура за туалетом.

«Грубо, очень грубо», – поругала свою несдержанность Ася.

– Успокойся, – вскочил Руслан и обнял Асю.

– Брось ее, брось ее, – завопила мать Алевтины, переходя на татарские оскорбления. – Жюлэр, маймыл, хайван, маржа...

О Аллах, до чего же все противно. Ася не сдержалась, разревелась и захлопнула дверь в комнату.

Она икала, куталась в одеяло, бесконечно себя жалела, осыпала упреками за несдержанность, за романтическую тупость. Руслан постоянно выходил на балкон, бесконечно курил, пытался читать, но исключительно чтобы забыться. Все события книги происходили в одиноком домике на одном из курортов. Как здорово жить в своем доме, утром ходить по берегу моря, дышать влажным воздухом. Как вкусно по утрам там пахнет кофе, и как хорошо по вечерам читать там книги.

– Как события книги не сочетаются с реалиями, – вздыхает Руслан и пытается говорить с Асей, она вредничает, отвечает редко и односложно.

Если Ася тихо успокаивалась, то Алевтина с матерью становились агрессивнее. Их возгласы походили на радио, которое постоянно теряло волну: «П-р-р что это? Д-р-р почему? Я тебе говорила... пух-т-р-р».

В дверь постучались.

– Руслаша, выйди на минуту.

Явно зовет Алевтина. Ася не ответила, Руслан на балконе не услышал.

– Русланчик.

Это уже зовет из окна на кухне.

Ася не понимает, что ответил Руслан. Но что-то говорит и, кажется, злится.

Если бы она знала, что так получится, она ни за что бы в тот вечер не вышла из комнаты. Терпела бы, мучилась, но не пошла бы ни в ванную, ни в туалет.

Когда в квартире наступила тишина, Ася тихо выскользнула в коридор, в темноте прошла к ванной, открыла дверь, потянулась к выключателю. Ярко вспыхнул свет, одновременно и в ванной, и в коридоре. И тут кто-то схватил Асю за волосы. Ася охнула, присела, стараясь ослабить хватку и боль, перехватила чужие руки, вцепилась в запястья. Ее стали мотать из стороны в сторону, а Ася пыталась освободиться. С усилием потянули вниз, пришлось присесть глубже, почти упасть на колени.

– Отпусти, сука, – дергала Ася голову и все пыталась прийти в себя от удивления и неожиданности. Наверное, прошло всего несколько секунд, но Асе они показались вечностью.

Где-то у кухни заголосил старческий дребезжащий голос. «Значит, за волосы схватила Алевтина, – сделала вывод Ася. – С тобой можно и пожестче». Порываясь подняться, Ася дернулась вверх. Алевтина удержала, царапая голову, схватилась глубже и стала пинать, стараясь коленкой попасть Асе в лицо.

Видимо, визг матери Алевтины и звуки потасовки услышал Руслан. Он выскочил в коридор с книгой в руке и остолбенел. Пока он приходил в себя, Ася примерялась к Алевтине. Она крупнее, выше и гораздо тяжелее – справиться с ней силой практически невозможно. Здесь нужна тактика. Но как в такой ситуации думать о тактике? Хочется рвать, метать, хочется убить эту дрянь. Когда Алевтина коленкой попала Асе по губе, она взвыла раненым зверем и пошла тараном. Она толкнула Алевтину в грудь и толкала до тех пор, пока та, отступая, не запнулась о порог ванной комнаты. И тут звезды перешли на сторону Аси. Алевтина не упала, но хватку ослабила. Ася зарычала и бортанула Алевтину о край чугунной ванны так, что та не удержалась и спиной рухнула поперек ванны и следом за собой утянула Асю. С полки внутрь ванны загрохотало металлическое ведро. Создалось впечатление, что Алевтина с таким звуком рассыпалась на части.

Мать Алевтины завизжала, по стенке сползла на пол.

Ася представила, как со стороны все это должно выглядеть. В чугунной ванне вверх ногами и с ошалелыми глазами лежит Алевтина, сверху нависает Ася.

– Отпусти, сука, – шипела Ася, пытаясь освободить голову. Она царапала руки, отжимала пальцы, но Алевтина продолжала держать железной хваткой. Но скорее это уже не нападение – это агония. Она, может, и рада отпустить, но от страха и ужаса все тело свело судорогой.

Мать Алевтины поднялась, бросилась спасать дочь, но по дороге наткнулась на Руслана.

– Вы че, вы че творите? Вы че... – бормотал он и пытался помочь Асе освободиться.

– Не подходи! – заорала она ему. – Не подходи, а то посадят. Вызывай милицию.

Руслан послушно рванул в коридор, его место тут же заняла мать Алевтины, перехватила Асю за халат, стала колотить по спине.

Ася нащупала ведро, подняла над головой Алевтины и сказала спокойно, но ровно так, чтобы слышали обе.

– Успокойлись, или я убью ее.

Мать Алевтины поверила, отступила и стала шептать молитву.

«С одной справились», – выдохнула Ася.

– Теперь ты, – сказала она Алевтине и, чтобы было понятнее и доходчивее, ударила ведром о дно ванны.

Алевтина сообразила не сразу. Видимо, сначала услышала, обдумала, вышла из ступора, ослабила хватку, выпутала пальцы из волос Аси. На все это ей понадобилось время, и, наверное, много времени, потому что, пока она соображала, Руслан уже вернулся с милицией.

Милиционер смотрел на двух баб, одна лежала поперек ванны вверх ногами, вторая стояла раскрасневшаяся, с глазами, полными крови, со вздыбленными волосами. Обе, как драконы, пыхали жаром и огнем.

– Что здесь? – спросил милиционер.

– Все-е нормально, – Ася запахнула халат, попыталась поправить волосы. – Драка обоюдная.

– Скорую? – предложил милиционер. И явно не шутил.

– Если только ей, – показала Ася на Алевтину.

Через два часа скорую вызвали обеим. Асе вкололи успокоительное, Алевтине предложили госпитализацию, потому что она жаловалась на боли в спине. Алевтина уехала в больницу, а к Асе с Русланом пришел участковый.

Как Сагадат апа и предсказывала, мать приснилась на третий день. После той драки с Алевтиной Ася уснула только под утро, и ей сразу стали сниться кошмары: летали огромные мухи, проезжали машины, стены домов по направляющим перекатывались из стороны в сторону обнажая чужие квартиры. Ася бегала по лестницам вниз-вверх и никак не могла найти свой дом.

Когда откатилась очередная стена, Ася оказалась в большой темной комнате, где в красных лучах прожектора на огромном перевернутом ведре сидела мать. Она голыми пятками била по металлическим стенам, отчего по комнате шел монотонный гул. Одна рука матери лежала на черепе скелета, очень похожего на ту больничную старушку, а другой рукой она держала подушку.

– Я же просила, – сказала мать и положила подушку на голову скелета. – Для дочери слово матери закон.

Ася подалась вперед, то ли пыталась обнять, то ли что-то рассказать. Но в это мгновение подушка и скелет растворились в воздухе. Ася остановилась, боясь, что вслед за ними пропадет мать.

Мать сжала кисти рук в кулак и добавила:

– Такую боль, какую пережила я, можно пожелать только врагу. Я же просила. Я умоляла, а ты пихала мне кашу в рот. Я не хотела есть, я мечтала о покое.

Ты ослушалась, я прокляла. Но ты моя дочь, и я знаю, что ты так поступила не со зла, поэтому я тебе даю возможность обменять мое проклятие на жизнь любого человека. У тебя будет три шанса. Первый, – мать ударила пяткой по ведру, – ты уже истратила впустую.

Ася открыла рот, чтобы оправдаться, но стена тронулась с места и закрыла комнату с красным прожектором. Ася стала колотить, пинать стену, стала кричать, надеясь, что ее услышат на той стороне...

Руслан разбудил ее резким толчком.

– Ты чего кричишь?

– Нет, нет, ничего, – мямлила Ася и смотрела на руки. Они были все исцарапаны и болели. Но это не от той стены, это от стычки с Алевтиной.

Часть 2

Глава 6 Рынок

Полгода Ася безуспешно искала работу. После пожара на заводе осталось много безработных. Мужчинам везло больше, их брали охотно, стариков отправляли на пенсию, а вот женщины с маленькими детьми вообще не рассматривались, считалось, что их обеспечивают мужья и родители. У Аси оба варианта были в пролете. Руслан устроился на теплоэлектростанцию с отставанием в зарплате на девять месяцев, а родители-пенсионеры не могли помочь. Да и стыдно такой великовозрастной дылде просить у отца копеечку на хлеб. Они с Русланом даже не могли взять деньги в долг, потому что из-за инфляции кредиторы поднимали такие бешеные проценты, что вернуть их было нереально, да что проценты, само тело долга для семьи Загребиных было неподъемным.

Поздним вечером по подъезду с ровным мелким зудом носились мухи, комары. Ася стояла перед дверями, сторбившаяся и перегоревшая, как оплавленная кнопка звонка, в которую она собиралась позвонить.

Алмазия с мужем Хайдаром – успешные предприниматели, и поэтому у них новая металлическая дверь с золотистым номером, которая контрастирует с обшарпанными соседними. Оплавленный звонок – это мелкая месть соседей за успех.

Два-три раза в неделю Хайдар устанавливал новый, люди с патологическим упорством его устранили. Меняя звонок, он посмеивался над пакостниками, а тайные враги продолжали выходить на площадку – раздуть огонек в папироске и, не останавливаясь, переместить к кнопке зажавшегося соседа. Кнопка оплавлялась быстрее, чем гаснет сигарета, – проверено сотни раз.

Пока Хайдар откручивает болты, появляется тот же курильщик, притворно цокает, сострадает и при удобном случае вновь вредит. Сделаешь замечание, так он тебе еще телевизионный провод подрежет, и так искусно это сделает, что придется менять всю систему в щитке. Телевизионный кабель стоит гораздо дороже кнопки.

Асе тяжело и больно признавать семейное банкротство. Перед тобой словно разом закрылись все двери планеты. Ты стучишь, тарабанишь, надеешься на чудесное разрешение проблем, а ведь не факт, что за этими дверями тебя ожидает радужное будущее. За ними ничего не слышно и не видно. Может, там пропасть похлеще твоей.

Ася втайне мечтает когда-нибудь добиться хотя бы части успеха, которого добились семья Хайруллиных. Раньше оба учительствовали в деревне. Алмазия преподавала математику, Хайдар – физкультуру. Алмазия уже собиралась замуж за директора школы, скучного лысеющего человека. Собиралась вопреки желанию. Время шло, а чересчур умную «укытыче» местные ребята побаивались и не торопились приглашать на свидание. С Хайдаром встретилась на одном из учительских семинаров. На следующий вечер он прискакал на белом коне с белым букетом ромашек, закружил, зацеловал. Потом по пути забежали в сельсовет, расписались.

Только через три дня Алмазия вспомнила о своем женихе. Пришла, покаялась, он расстроился: где это видано, чтобы учителька бросила директора, – попросил уволиться. Алмазия с удовольствием собрала вещички и уехала в деревню к мужу.

«Все было как в сказке», – рассказывает Алмазия и кладет голову на плечо Хайдару.

За советом Ася первым делом пришла к ним. Надеялась, что Алмазия поможет найти работу, подскажет, куда обратиться.

Алмазия видит в Асе равного человека и с удовольствием делится, помогает. Но поначалу Алмазия считает своим долгом провести процедуру «крещения», поднять мотивацию.

– Благодарю Аллаха, – начинает она учительствовать, – ты пришла за советом в благословенный дом. Конечно, женское счастье – детей рожать да чтобы в доме достаток был. И у детей твоих, слава Аллаху, останется все, что вы наживете, – в могилу ведь с собой не возьмете.

– Хватит ей нотации читать, – улыбается Хайдар.

Он принадлежит к крепкой породе мужей-отцов, гордящихся знанием кое-каких фермерских секретов и считающих своей обязанностью и привилегией обеспечить жену норковой шубой, сына и дочь – достойным образованием, большой квартирой, машиной, или перегорудить родник плотиной, выкопать котлован под озеро, запустить выдр, карпа, уток, гусей, лебедей, или выкупить у колхоза разваленный коровник и обустроить в нем конюшни.

Кони – это особая страсть Хайдара, и его несбыточная мечта – иметь скакуна из конюшен короля Саудовской Аравии.

– Только счастье – оно живет у того, кто честь и совесть свою бережет, – продолжает Алмазия. – Помни об этом, соблюдай себя!

– Теть Ася, привет, – выглянула из комнаты Гуля, дочь Алмазии.

Гуля хороша собой. Невысокая, стройная, в голубом спортивном костюме известной марки, с прямыми черными волосами – они ловко подвязаны тугой резинкой, чуть наискосок на лоб спускается челка. И это шло ей, оттеняло смуглую кожу гладкого лица. Гуля улыбнулась иссиня-черными миндалевидными глазами, выцепила из вазы яблоко и прикусила белыми ровными зубами.

– Чем хочешь заняться? – налила Алмазия в чашку чай и придвинула Асе.

– Не знаю, – ответила она тихо. С трудом сдержалась, чтобы не наброситься на халву и печенье. Детей надо было взять с собой, поели бы конфет.

– Детям возьми конфет, – Алмазия словно прочитала ее мысли. – Может, на рынок выйдешь?

– Я – на рынок?! – мгновенно вскинулась Ася. Рынок – это последнее, чем бы она хотела заняться.

– А что так? – улыбнулась Алмазия. – Не по статусу?

– Конечно. Меня с высшим образованием в спекулянтки?! Да с голоду буду подыхать, а на рынок не пойду.

В рынке Ася видела наказание за юношеский максимализм. Наказание за обиду, нанесенную старой женщине, продававшей рябину. Она сидела, устало сгорбившись, окутанная туманом прохладного октября, безучастная к окружающим и особенно к визгливой школьнице. Со своей рябиной она была для Аси откровенной спекулянткой. Ее металлический бидон с мятыми боками был переполнен хамством халявы, жадой наживы. «Как можно продавать рябину за два рубля, если этой рябиной переполнена вся тайга? Да с одного дерева как минимум можно набрать мешок», – громко возмущалась Ася.

От благородного гнева дочери мать краснела, смущалась, просила у женщины с рябиной прощения. Та тихо кивала, сдерживая слезы, прикусывала губы. «Это деньги не за рябину, а за труд, – грустно объясняла мать, стараясь поскорее увести дочь. – Человек сходил в лес, принес...» – «Я тебе принесу тонну!» – распалялась Ася и где-то краем души уже понимала и принимала пояснение матери. И чем больше она понимала, тем сильнее ей было стыдно. Но, разогнавшись в истерике, остановиться было сложно.

Конечно, времена изменились, сейчас люди выходили на рынок с единственной целью – продать что-нибудь из того, что они раньше привозили бесплатно или меняли на то, чего у самих было вдоволь. В благодарность их кормили пирогами, снабжали самодельными салфетками, вареньем, грибами. Те времена стали архаикой, теперь за все нужно было платить. Пока понятие «частный предприниматель» плохо приживалось в стране, где все еще главенствовал

тезис о том, что предприниматели – это барыги, кровопийцы, чей мир – это туманные деловые отношения с опорой на обман и взаимное недоверие...

Слушая Асю, Алмазия вежливо кивала, но чувствовалось, что не верила. Должно быть, она сочла нежелание работать на рынке прикрытием лени.

Алмазия стала нащупывать подходы к столь категоричному настроению Аси. Обсудили цены на продукты, стоимость железнодорожных билетов, нравы милиционеров. Алмазии явно хотелось подтолкнуть Асю к действенному решению, но она чувствовала, что предпосылки для такого еще не созрели. Тема требовала повышенной деликатности, поэтому Алмазия начала издали:

– У меня много знакомых бизнесменов, которые начинали с рынка.

– И все жулики.

– Верку Охлобыстину знаешь? Распред с главного конвейера? По выходным торгует на рынке овощами, – сказала Алмазия. – Лазарев, главный технолог по сборке, у себя в квартире делает оплетку проводов, сноха торгует на рынке запчастей.

Этих людей Ася прекрасно знала, назвать их жуликами не приходило в голову.

– Гуля на рынке.

– Гуля? Твоя Гуля торгует?

Ася не могла представить Гулю за прилавком. Ангельское лицо – под холодным солнцем, точеная фигура древнегреческой богини – в серой толстовке, с черной сумкой на плечах. Казалось, таким красавицам в соответствии с какими-то древними законами должен быть с рождения обеспечен успех и на них никак не могут отразиться даже малейшие зачатки реформ. Куда мир катится? Понятно, что во тьме перемен общепринятые законы деформируются, но несправедливо, когда они касаются слабых и неподготовленных.

– А чем она торгует?

– Брюками, – ответила за Алмазию Гуля.

– Зачем? Вам что, денег не хватает?

– При чем здесь деньги? Сама знаешь, семья у нас небольшая, сын и дочь. На хлеб, молоко хватает. Гуля зарабатывает себе на игрушки, – погладила Алмазия дочь по руке. Гуля громко рассмеялась.

– Шутите? – поняла Ася. И ей стало грустно.

Гуля смутилась, стала оправдываться:

– Мама игрушкой называет машину: «жигули» шестой модели.

– Что? На рынке можно заработать на машину? – В это Ася ни за что не поверит. Ни под какими пытками. Хлеб, молоко, в крайнем случае хлеб с колбасой. Но машина!

Алмазия и Гуля засмеялись одновременно и громко.

– Теть Ась, – промурлыкала Гуля, – вы прям как с другой планеты.

«Я из другой жизни, после распада которой остались душевные развалины, ослепившие глаза и разум. И надо привыкать жить так: решать рутинные вопросы, просыпаться по утрам, чистить зубы, будить детей в садик, искать работу. И все это делать по памяти и наощупь, потому что сам ты слеп».

В конце концов интерес все же нашелся. Алмазия упомянула еще нескольких общих знакомых: кто-то съездил в Турцию на отдых, кто-то в Саудовскую Аравию на хадж. Но были и печальные случаи банкротства, грабежа или похищения. Поездка к Алмазии стоила того, чтобы потратить весь вечер. Первым делом надо было решить вопрос с деньгами.

Поговорить с Русланом не получилось. Ася намекала, что неплохо бы попросить денег у Саши, и никак не понимала, почему Руслан так категорически отказывается. По большому счету, бывшие партнеры – друзья. Почему Руслан периодически одергивает ее, когда она пытается заговорить о Саше? Хотя чего это она врет самой себе – отлично ведь понимает причину, просто пытается найти лазейку и помирить. Ее фальшь вычислялась в секунду, короткий бро-

сок ответа, и ей, взрослой идиотке, остается только разжевать и проглотить эту новую реальность.

Разговор с Русланом о деньгах собирался из обрывков трех фраз: «отстань... не пойду... сама кашу заварила...» Ася на этой стороне проблемы, Руслан на другой, между ними красная черта, которая порой тянется к небу, чтобы превратиться в стену плача. И никакой слезой не перешибить этот рост. Жизнь после пожара на заводе до того изменилась, что, кажется, прошлого не было, а будущего не будет. Ася очень старается, чтобы все вернулось на круги своя. Но сейчас на любой вопрос появляется три ответа, и все три плохие. И все, кто пытаются ответить, не дадут соврать – вынуждены выбирать из всех зол меньшее.

Все-таки Асю смущало решение заняться своим делом: уж слишком откровенно она наивна в предпринимательстве, точно дитя малое. Но порой ей казалось, что она справится, тогда она, радостная, легко вбегала в дом, перепрыгивала через разбросанные игрушки. И ни с того ни с сего принималась целовать и обнимать то Руслана, то детей.

Особенно пугало Руслана, когда Ася начинала петь, не стесняясь отсутствия голоса и слуха. Все это, конечно, не вязалось с последними семейными неурядицами, но Руслан успокаивал себя тем, что со временем Ася остепенится, забудет о предпринимательстве. Вот он устроился на работу... да, пока не будет получать зарплату, но так живут практически все. Такова обстановка в городе, да и в стране в целом.

На следующий день Ася поехала к свекрови. В советское время та скопила предостаточно, но с резкими скачками цен ее сбережения очень быстро превращались в бумагу. Не факт, что даст, но попросить стоит.

Свекровь последние десять лет была на инвалидности по астме. Пенсии хватало только на коммунальные платежи. Спасала дача. Все, что росло, цвело, плодоносило, свекровь выносила на рынок. Самыми востребованными были овощи. Ей удавалось выращивать огромные помидоры со сладкой плотной сердцевиной, хрустящие огурцы, картошку, морковку. В один год она умудрилась вырастить баклажаны. Сама не зная с какого перепуга, вдруг посеяла в углу огорода. Лето было жаркое, и баклажаны чудным образом вызрели. Вынесла на рынок, под хохот старушек-болтушек выложила вдоль прилавка – ровно четыре штуки. Оказалось, что баклажанами торговать выгодно. Сразу появился человек, словно пришел на запах. Увидев баклажаны, взревел от удовольствия, рассказал про беременную жену, заплатил столько, сколько попросили. Свекровь, конечно, утаила подробности сделки: еще час назад она себя кляла последними словами и готова была отдать баклажаны хоть за пятьдесят копеек за штуку, лишь бы купили. Но, увидев охотного покупателя, взвинтила цену в пять раз и, узнав, что баклажаны для беременной, огорчилась и сделала хорошую скидку – по два рубля за каждый. Покупатель оказался хорошим, щедрым человеком, заплатил и вдобавок выкупил все баклажаны, которые еще только дозревали, на корню.

После столь удачной сделки свекровь в глазах старушек-болтушек выглядела деловым человеком. На следующий год уже все старушки высадили заморский овощ и даже научились его готовить. Предприимчивость старушек-болтушек сильно задела свекровь. Она пыжилась и смотрела на них с такой злостью, будто говорила своим видом: «Вы не больно тут гогочите, это я первая придумала сажать баклажаны. Вот научусь еще арбузы и дыни выращивать!»

Когда кто-то из покупателей приценивался к чужим баклажанам, она с нарочитой небрежностью, к месту и не к месту, встревала в разговор, пытаясь высмеять чужой товар. А когда ничего не получалось, теряла самообладание и, набычившись, сопела: «Уф, Аллакаем!» Если покупатель уходил с баклажанами, старушки-болтушки прыскали от смеха, в обратном случае разгорался скандал. И тут уж от свекрови бежал любой покупатель, потому что на него наваливались всем скопом и отговаривали от покупки.

Свекровь бухтела, пила успокоительное, потом грузила в тележку непроданные огурцы и помидоры и отправлялась домой. Такой уж был у нее характер. Привыкшая сызмальства к

бедности и нужде, свекровь жила в строжайшей экономии. С утра до ночи работала за копейки. Не за рубль, хоть немного походивший на средство оплаты, а за копейку, которую уже и в банке не принимали. Копейка стала бесполезной кругляшкой и разочарованием покупателя, получавшего ее на сдачу, но, видимо, она приносила доход монетному двору, иначе как объяснить ее производство. Свекровь копейкой не брезговала, аккуратно собирала в стеклянную баночку из-под майонеза. И ничто не могло заставить ее пройти мимо кем-то оброненной монетки. Останавливалась, и удостоверившись, что никто не покушается на монету, начинала сложную процедуру ее поднятия. Самой, с ее большим весом и слабой астматической грудью, было очень трудно наклониться и поднять монету, так что она сначала пыталась найти помощников: то мальчика попросит поднять, то какую другую добрую душу подсобить. Когда помощников не находилось, наклонялась сама, держась за тележку. И чем более клонилась, тем более взывала к Аллаху, чтобы не рухнуть на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.